

МАРИКА
КРАМОР

ЧУВСТВА – ТОКСИН.
РЕВНОСТЬ – ОТРАВА.
ЖЕЛАНИЕ ОБЛАДАТЬ – ЯД.

Бывшая
ЖЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Марика Крамор

Бывшая жена

<https://litres.ru/74247114>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Продолжаешь своих баб подкармливать моим любимым шоколадом?

— Ревность тебе не к лицу.

— Пффф, не льсти себе. Мне просто заранее жаль твою следующую жену.

— Вот уж нет. После тебя у меня выработался стойкий иммунитет к женитьбе.

Денис — мужчина, которого женщины готовы делить без очереди. Я была уверена, что после развода он быстро найдет мне замену, но... Что, если единственная женщина, которую он по-прежнему не смог забыть, — это я?

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	69
Глава 11	76
Глава 12	82
Глава 13	93
Глава 14	105
Глава 15	111
Глава 16	118
Глава 17	128
Глава 18	134
Глав	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Марика Крамор

Бывшая жена

Глава 1

АНАСТАСИЯ

— Давай, давай, давай, еще немного! Вот так...

Бережно провожу ладонью по гладкой коже, от волнения сильнее сжимаю пальцы, вслушиваясь в глухие ритмичные звуки.

— Ну, давай же! — повышаю голос. Перевожу взгляд на циферблат на запястье. Если я сейчас же не отправлюсь, то точно опоздаю! Не выдерживаю и раздраженно ударяю по рулю: — Заводись, говорю!

Мой стервец оживает, недовольно тарахтит в ответ и нехотя трогается с места.

— Какой же ты стал капризный! — бросаю я обвиняюще, глядя по зеркалам. — Стареешь, а!

И главное, загоняла его совсем недавно в сервис! Вроде все починили, был порядок, и на тебе!

В ответ доносится лишь наглое фырканье мотора и тихое шуршание колес. Сестра всегда посмеивается надо мной, когда я разговариваю со своим автомобилем, а он для меня как живой. У него есть душа. А характер-то какой сволоч-

ной! Ух!

— Если ты меня еще раз так подставишь, мы с тобой будем разговаривать по-другому, — грожусь сердито, добавляя: — Как — я еще не придумала. У меня сегодня важный день, а ты...

Так и слышу в ответном недовольном рычании движка: «Да у тебя он всякий раз важный».

— Рано радуешься, — бурчу себе под нос.

Машу рукой на стального собеседника, все внимание полностью переключая на дорогу.

Бывшему мужу в свое время очень не понравился мой выбор личного авто. Дэн предлагал приобрести для меня что-то женственное, юркое, миленькое, маленькое и удобное. Другими словами — приторный зефир в розовых рюшах, а не этого желтоокого «монстра».

Хорошо, что мнение Дэна для меня даа-авным-давно уже не играет никакой роли. Мы развелись год назад, и я вздохнула с облегчением.

До нужного места добираюсь с небольшим опозданием. Дэн — главный на этом проекте. Ведущая — Ольга Извольская — моя приятельница. А я сегодня важный гость на съемках.

Меня встречает ассистентка и провожает в примерку. Я переодеваюсь, цепляя за массивный рейл для одежды плечики с чехлом. Мне сегодня нужно выглядеть эффектно. Выхожу.

Денис уже занял свое место, напротив располагается Оля. Беседа начинается в спокойном размеренном тоне. Но это явно продолжится ненадолго, пока Дэн меня не заметит. Теперь мы видимся нечасто, а если и пересекаемся на каких-то мероприятиях, то чем-то хорошим это заканчивается редко. Нет-нет, на публику Денис играть не любит, но если мы вдруг остаемся наедине, его неискоренимые придирки и язвительность продолжают душить меня даже после развода.

Мой бывший муж достаточно тяжелый человек, да, он безумно целеустремленный, взыскательный и амбициозный, пробивной, решительный, но... тяжелый. Наверное, дружить с ним или работать вместе значительно проще, чем любить и быть его любимой женщиной. А проживать с ним на одной территории — это то еще испытание.

Ребята беседуют строго по плану, и вдруг Оля удивляет: — Неужели у такого целеустремленного, я даже не побоюсь этого слова, знаменитого в своих кругах мужчины нет спутницы? Не верю!

И я не верю. Чтобы у Дениса никого не было? Да ему на шею девчонки пачками вешались!

Разглядываю бывшего очень придиристо, пытаюсь отыскать в нем хоть какой-нибудь изъян. Раньше его подбородок был гладко выбрит, а теперь на лице красуется модная трехдневная щетина. Дэн всегда одевался стильно и по-мальчишески немного неряшливо. Мне кажется, я до сих пор это в нем обожаю.

«Тьфу ты!» — плююсь мысленно, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

— Аай, — отмахивается небрежно этот «герой», — я совершенно свободен и наслаждаюсь этим.

Каких усилий мне стоило сдержать недовольное фырканье. Ну надо же так. Наслаждается он свободой. Да сволочь он та еще. Его ни одна женщина не вытерпит! Ишь ты! Радостный какой!

— Ты знаешь, Денис. У нас сегодня очень и очень живо-трепещущая тема. Но такая неординарная и противоречивая, что я бы хотела пригласить к нам в студию еще одного эксперта в области...

А вот и мой выход. Вперед!

Цепляю на лицо самую очаровательную и открытую из моих улыбок.

Максимально горделиво вплываю в студию, подмечая, что ассистент уже придвинул для меня третий стул.

Олечка представляет меня аудитории, а Дэн подвисает ненадолго, глаза его ошеломленно расширяются. Он так гневно проезжается взглядом по моей фигуре, что мне в одно мгновение становится лучше.

Денис недоверчиво прищуривается, крылья его носа раздраженно раздуваются. Да бесись сколько хочешь. Мне по-боку. Я здороваюсь, с легкостью подхватываю уже начатый разговор.

Бывший пока молчит, но от его хмурого взгляда у меня му-

рашки по коже. Не прибьет же он меня здесь, правда? Хотя руки у него однозначно чешутся.

Денис пытается вывести меня! А терпение мое не безгранично! Словесная потасовка начинается неожиданно.

— Да что за бред ты несешь?! — взрывается Дэн и переходит в неприкрытую агрессию, недовольный моими высказываниями. Вполне правдивыми, между прочим!

Какой же он злощущий! Ух, давненько я его таким свирепым не видела.

— Бред несешь ты, — отбрываю его сразу. Но вежливо, конечно. Вежливо. Нас же снимают... — И работаешь по давно закостенелым принципам.

— Серьезно?!

И все. От его уничижительного тона меня понесло:

— А то! Ты негибкий и не умеешь идти на компромисс. Новые технологии недолюбливаешь именно за их новизну. Но при этом еще и старые доламываешь.

Этот нахал подается вперед и обвиняюще тычет в меня ладонью!

— Оля! Что это за фигня?! — орет он на всю студию.

Совсем уже обнаглел!

— Это не фигня, это твоя бывшая жена, — сладко поясняя я, стараясь уколоть побольнее. — Которую когда-то ты, между прочим, сам выбрал.

— Вы издеваетесь обе?!

— Но ты ведь сам всегда упираешься рогами до послед-

него.

Если секунду назад Денис еще был прилично раздражен, то теперь он просто в ярости:

— А! То есть рога все-таки были, да?!

Его натянутая улыбка меня не обманет. Он рвет и мечет. И теперь готов вывалить на меня весь свой убойный арсенал!

— Не надо цепляться к словам!

— Я цепляюсь?! Ты только что на камеру заявила, что наставляла мне рога!

Я бью себя по лбу, уже не сдерживаясь. Он совсем идиот, да?

— Я этого не произносила! Не надо утрировать!

— Да мне тоже надо было пуститься во все тяжкие! — выплевывает брезгливо. — С тебя пример брать!

— И что ж не пустился? — вскидываюсь ехидно.

— Ты пришла о проблемах современности вещать?! Давай! Вперед! Ты же так любишь все новое!

— А ты же так любишь пасовать перед трудностями!

Хватаюсь за голову. Господи, зачем, я это сказала?!

— Я?! — Дэн вскакивает с места.

— Представь себе!

Сбоку от себя подмечаю какое-то движение, это Оля указывает ребятам расходиться, а Денис все заливается:

— Да ты при первых же трудностях свалить готова! Тоже мне... страдальца!

Я тоже вскакиваю. Он.. он... Да как он посмел?!

— А может, это ты свалить готов?! Не разбираясь, не спрашивая! Обряжая громкими эпитетами!

— Ну, знаешь ли! От эпитетов ты не отстаешь! А с тобой мы еще обсудим! — бросает он в сторону удаляющейся Ольги. После этих слов она резко разворачивается.

Ребята оставляют нас наедине. На лицах некоторых сверкают плохо скрываемые усмешки. Я жду, пока народ разойдется, бросаю последний обвиняющий взгляд на Дениса и устремляюсь за своими вещами.

Прекрасно. Отсняли, называется.

Голос Дэна, догоняя меня, с негодованием разрезает образовавшуюся тишину и шелест техники:

— Настя!

Глава 2

Хочется возмущенно фыркнуть на него.

Но нет. Даже не взглянув в сторону бывшего мужа, я удаляюсь с площадки, иду переодеваться.

Облачаюсь обратно в спортивный костюм и удобные кроссовки.

Перебрасываю через предплечье чехол с платьем и устремляюсь на парковку.

Каков гад, а! Лучше бы я ему реально рога наставила. Так нет же! Любила этого чокнутого когда-то!

Я думала, что сюрпризы на сегодня уже закончились, но железный стервец опять проверяет на прочность мои нервы. Снова загорается ошибка двигателя.

Совсем близко раздается громкий веселый стук в стекло. Я поджимаю губы.

Если он сейчас не свалит, я ему точно оплеуху отвешу!

Не поворачивая головы в сторону Дэна, вальяжно жму на кнопку и опускаю стекло. Наполовину.

— Слушаю, — цежу недовольно.

— А я говорил, надо было нормальную тачку брать, — ухмыляется.

А чего я ожидала? Это же Денис. Он по-другому не умеет.

— Жаль, что ты барберу своему не посоветовал нормаль-

но тебя побрить, — легкий поворот головы, бросаю на Дэна тяжелый взгляд исподлобья.

Смеется еще. Засранец.

— Ты теперь тоже из этих? — он продолжает ехидничать.

— Из кого? — недоумеваю.

— Кто не снимает «белое пальто»?

У меня сейчас пар из ушей повалит. Это... Это я-то?!

Ни одной эмоции ему не покажу. Миленько морщусь и перевожу стрелки:

— А ты, я смотрю, свое в химчистку сдал?

Снова смеется! Чтоб ему пусто было!

— Ладно, выползай, — бывший супруг становится серьезным. — Взгляну на твою «ма-ши-ну», — пренебрежительно выплевывает по слогам последнее слово. — Так сказать, оценю масштабы трагедии.

— Ты-то?! — насмешливо переспрашиваю. — Ты можешь только доломать.

— Да у меня руки золотые! — издевается Денис. Прибью, гада! — Выходи-выходи. Что там у тебя? — распахивает дверь и, наклоняясь, засовывает нос в салон. — Чек горит, что ли?

Дэн терпеть не мог пользоваться парфюмом, но от него всегда так потрясно пахло... Запах его разгоряченного тела — чистый дурман.

Вот и сейчас тоже! Он наклонился, а я уже вновь вдыхаю этот родной сумасшедший аромат.

— Эй-эй-эй! — укладываю ладонь ему на грудь, протестуя. — Тебя о помощи никто не просил. И вообще, мы уже попрощались. Ну что ты стоишь как погнутый столб?!

— В смысле, ты вот так собралась ехать?! — обвиняющие указывает он на значок неисправности двигателя. — Совсем, что ли, сдурела?!

— Да я сейчас разберусь. Сама! — рявкаю.

— Обойдешься! — шипит он мне в губы. — Машину обслуживать надо. Не, не слышала?

— Плюс один грубиян за сегодня, — роняю я расстроенно. — Что ты пристал? Вон, свою иди и обслуживай.

— Не беспокойся за меня. У меня такой проблемы не может возникнуть в принципе. Это у тебя вечно приключения на одно место. Так. Выйди-ка.

И даже опомниться не позволяет, как тянет меня на себя и занимает мое место.

Это как так?!

— Денис, мне нек...

— погоди, — шикает и прислушивается к звукам чихающего двигателя.

— У тебя же слуха нет, — злорадствую я. — Что ты там пытаешься разобрать?

Глотаю воздух, заставляя себя остановиться и замолчать.

Дэн выбирается из салона, поднимает капот. Через три минуты захлопывает и, отряхивая руки, заявляет:

— Ты на этой недвижимости не поедешь.

Снова грустный вздох. И еще совсем недавно я была уверена, что стерплю любые его проделки? Двинуть хочется. Хорошенько так! Ощутимо. Хотя... Двинуть ему хочется всегда. Даже когда он молчит. Даже когда он на меня не смотрит. Особенно (!) когда он на меня не смотрит.

— Ты перегибаешь.

— Настёна! Ты в эту фигню не сядешь!

— Я недавно была в сервисе. Все, что мне приговорили к замене, я поменяла. Он нормально ездил. Вот сегодня опять барахлить стал. Значок загорается, но никаких ошибок обнаружено не было.

— Дай мне ключи, я тебе его в нормальный сервис загоню.

Я вытаращиваюсь:

— С ума сошел?! Занимайся своими делами!

— Садись, короче, — рукой указывает на свой черный седан, ожидающий в стороне — как будто я забыла его машину — и придерживает мое запястье. — На этом барахле ты точно не поедешь. Это опасно и безрассудно. Тебя кто-то ждет или ты домой сейчас? — продолжает издеваться.

— Дела, естественно, есть. Но пока — домой.

— Отлично. Сейчас дозвонюсь до ребят. Уточню, найдется ли у них местечко.

И уже прикладывает телефон к уху.

— Я прошу прощения, — пытаюсь обвиняющие ткнуть пальцем Дениса в крепкую грудь, пока бывший вслушивается в гудки динамика, но он с легкостью перехватывает мою

руку. — Какое место?!

— Алло, Димас! Здорово! — Неожиданно для себя осознаю, что Дэн меня не отталкивает, а наоборот, удерживает рядом, медленно поглаживая мои пальчики. — Да все нормально, потихоньку. Как сам? — он улыбается в трубку, слушая собеседника. Зубы ровные, белые. Несмотря на то, что он кофе пьет литрами. И ресницы еще, как у верблюда. Фыр-фыр-фыр на него.

Я сама вырываю руку и отвожу в сторону взгляд, потому что когда я вижу отросшие волосы Дэна, собранные в короткий хвост, испытываю острое желание поскорее стянуть с них резинку и зарыться пальцами.

Наверное, это мышечная память.

Да.

Точно!

Когда мы с Дэном только познакомились, я аж содрогнулась. Волосы у мужика должны быть коротко стриженными, и точка! А этот же вечно носит хвост на затылке! Это уже потом, наедине, вдыхая запах нашей близости и растворяясь в тихих смешанных стогах, я поняла, что это действительно приятно — перебирать пряди и путаться в них пальцами.

Теперь-то я точно знаю, какими голодными глазами на Дениса смотрят представительницы слабого пола. И вообще, если и говорить о рогах, то уж скорее о моих. Мне и сейчас не хочется верить, что он мне изменял, но...

— Все, договорился, — уточняет он, закончив разговор.

— Через час освободится подъемник. Надо пригнать им тачку.

Я складываю руки на груди:

— А тебя ничего не смущает?

— Что ты растеряла последние крупницы доброжелательности? Не переживай, может, дома отыщутся. Погнали.

— Я не просила, Дэн!

Развожу руки в стороны.

— Чего именно? — недоумевает он.

— Я не просила мне помогать!

— Этого и не требуется. Я и сам очень внимательный. Все вижу.

Говорит таким будничным тоном, словно для него это действительно пустяк.

— Ладно, — соглашаюсь в итоге, он все равно уже договорился. И явно с грамотным мастером. — Но я тебе ничего не должна!

— Без проблем.

— Скажи только, куда ехать. Я пригоню машину.

— Да ща-аз! — отрезает он. — За мной поедешь. Я там сам договорюсь. Скорее всего, машину нужно будет оставить в сервисе до вечера. Или до завтра. Я тебя отвезу домой сразу.

— А ты что, таксист? — прозвучало слишком уж насмешливо.

— Нет, но для своей бывшей жены готов сделать исключе-

ние. Надо же мне как-то продемонстрировать свою радость.
— Чему ж ты так нарадоваться-то, бедный, не можешь?
— Тому факту, что жена все-таки бывшая.
Если я его сейчас ударю, я ведь смогу отделаться легким наказанием?

Да каким наказанием?! Меня сто процентов оправдают!
— Ой, Дэнчик, как же я жду... — роняю мягко.
— Чего? — вновь этот недоумевающий тон. И заинтересованный взгляд.

— Когда ты женишься второй раз. Хотя пожалею бедняжку.

— Не-не, у меня после тебя стойкий иммунитет. Чтобы я второй раз эти оковы на себя нацепил? Увольте.

Нормально, да?! И этот человек мне когда-то в любви признавался. Да еще и как!

— Какой же ты неприятный тип, Денис.

— Для всех быть приятным — себе дороже. Придерживайся меня.

И направляется к своей машине.

Я машу рукой. Не то чтобы меня задевают наши перепалки... Скорее, наоборот! После них такое приподнятое настроение! Да, немного язвительное, зато энергии хоть отбавляй.

В сервисе огорчили. После диагностики посоветовали машину оставить на пару дней. Кое-какие запчасти есть в наличии, кое-что придется подождать.

— Тебя домой везти? — уточняет Денис, после того как я окончательно поникла.

— На такси доеду.

— Не вижу смысла. Мне в ту же сторону. Держи, — удивляет он и сует мне шоколадку. Причем, такую, как я люблю. У меня дома их целая небольшая коробочка. — Может, на-строение поднимется.

А я сверкаю глазами:

— Продолжаешь по привычке своих барышень подкармливать моим любимым шоколадом?

— Настён, как тебе удастся быть таким ежом?

И смотрит еще так осуждающе. Не мог он ведь для меня ее купить только что. Он никуда не отлучался, а здесь нет даже...

Останавливаю поток неуместных мыслей. Вон автоматы стоят в сторонке. Кофе, орешки, шоколад, батончики. Наверное, я просто не заметила, как он отошел к автомату.

— Спасибо, — бурчу от неловкости.

Занимаем салон.

— Будешь? — протягиваю ему распакованную плитку.

— Да. Отломи кусочек.

Закатываю глаза к потолку. Я вообще-то из вежливости предложила!

Поджимаю губы.

Отделяю сразу три плиточки.

Одну откусываю сама. Не успеваю отделить для Дэна но-

вый кусочек, как он обхватывает мою кисть, притягивает к своему лицу и, наклоняясь, съедает остальное.

То, что меня прошибает током от прикосновения его губ к моей руке, еще полбеда.

Хуже, что в душе что-то тянет.

— Вкусно? — ехидничаю я. Мне же надо как-то закрыть-ся снова и не показывать, как меня колбасит от его касаний.

— Нет, — ошарашивает он. В его глазах бесы. Они цвета опадающих осенних листьев, буро-коричневые. Нет, не бесы — глаза. А еще по краям радужки горит яркая янтарная окантовка. Просто с ума сойти можно. Как он такую пронзительную красоту отхватил — черт его знает. — Слишком сладко, — поясняет.

Так и хочется вежливо и деловито у него уточнить: «Ну а что жрешь тогда?!»

Пальцы до сих пор чувствуют пробежавший по ним ток.

Домой меня Денис — слава богу — отвозит в тишине.

Хоть что-то приятное за сегодня.

— Спасибо, ты меня очень выручил, — говорю на прощание.

— Настён...

У меня внутри огонь вспыхивает от этого слова. От этой интонации. От этого послевкусия. Почему после развода нельзя меня называть просто по имени?! Строго и официально.

Так нет же. Заладил...

— Что?

— Я номер поменял недавно. Запишешь?

Мне кажется, или его голос и правда пропитан искренней невысказанной надеждой?

— Нет, конечно. Зачем?

— Ладно, — отворачивается. Тогда я поеду.

Глава 3

ДЕНИС

Даже аппетита нет.

Такая тоска грызет изнутри, волком выть охота.

Настёнка вообще не изменилась за этот год. Все такая же красивая. Притягательная. Улыбашка. Всегда, всегда на ее лице лучится белоснежная улыбка. Естественная. Живая. Обольстительная. На нее обращают внимание все вокруг. Она заряжает своей взрывной энергией и обволакивает мягкой женственностью.

Когда увидел ее сегодня на съемках — словно удар пропустил. Счастливая такая, довольная. Вплыла в студию грациозным лебедем.

Хорошо ей без меня. Вон счастливая какая.

Мне без нее тоже нормально. Уже.

Да и... что вспоминать.

Уныло ковыряю вилкой мясной салат. Люблю, когда майонеза много. Чтоб вкусно, жирненько. У Насти бы от такого желудок свело. Наши с ней вкусы никогда не совпадали.

Не знаю, как ей, а мне после развода было тяжело. Как-то слишком неожиданно закончилось наше «мы». Мне потребовалось время переварить и прийти в себя. А Насте и без меня отлично.

Интересно, у нее есть кто-нибудь? Я не наблюдаю за ее жизнью, хоть мы иногда и пересекаемся. Не припомню, чтобы за последний год она появлялась на публику с кем-то. Но она такая, да, не любит выставлять личную жизнь напоказ, а если и делает это, то скрепя сердце, когда приходится.

Наваждение какое-то.

Недовольно гляжу на телефон. У меня тут полна коробушка номерков, где мне точно ответят да.

Не спешу ими воспользоваться. Лениво обвожу глазами соседние столики.

А вот и перспектива на этот вечер.

Нет, не хочется сегодня уединяться. Вопреки всему жду лишь легкого, ни к чему не обязывающего общения и флирта.

Девушка за столиком у окна выглядит прилично. Дорого, эффектно. Мне бы хотелось сейчас обыденной простоты, но ничего более подходящего не нахожу. Ладно.

Может, хоть так драть грудь изнутри сегодня перестанет.

Подзываю официанта и прошу передать девушке какой-нибудь десерт. Мне до лампочки какой.

Она лениво смотрит в тарелку, на официанта, оглядывает зал.

Осторожными изучающими взорами мы встречаемся не сразу. Я слабо киваю, подтверждаю ее догадки.

Жду, пока блондинка закончит подробный осмотр.

Да — и отлично. Нет — не беда. Я на отказах не зацик-

ливаюсь. Меня только одна женщина умудрялась злить и доводить до белого каления своим «нет». И естественно, это была Настёна-сластена.

Отвлекаясь ненадолго и запоздало возвращаюсь задумчивым взглядом к блондинке. Она уже расправилась с пирожным и аппетитно потягивает кофе.

Жду еще немного.

Поднимаюсь.

— Привет, — начинаю разговор приблизившись. — Не возражаете?

— Присаживайтесь, — отзывается она.

Ну это уж слишком легко, даже как-то неинтересно...

— Денис.

— Татьяна.

Завязывается легкий разговор, после чего я приглашаю девушку прогуляться, а потом на ужин.

— С удовольствием, — призывно улыбается она. А я чувствую укол разочарования. — Сто баксов.

Укол становится неосязаемым. Эм... Что она сейчас сказала?!

— Я не расслышал немного: что, прости?

— Сто. Баксов.

У меня сначала вырывается неуместный смешок, а затем я тщательнее приглядываюсь к девушке. А она точно того стоит?...

— Ты не поняла, — неосознанно перехожу на ты. — Я не

к себе зову. Просто. Пойдем, погуляем.

— Ногами, что ли? — кривится она.

— А что? Сотрутся?

— Ну, в любом случае. Дешевле не будет.

— Ты ненормальная? — развожу руки в стороны. У меня в голове не укладывается. Она серьезно?! — Я не прошу интимных услуг. Я предлагаю пройтись, пообщаться. Вечером поужинать.

— Ужин — плюс еще сотка. Думай.

Мои настройки сбились. Я возмущен настолько, что мне срочно требуется немного остыть.

— То есть я должен тебе заплатить за то, что ты со мной в ресторане посидишь и набьешь живот?

Но мадам ничуть не смущается:

— Да. Если только это.

— А за ночь сколько? — уточняю просто ради интереса.

От услышанного внутри гаснет что-то. Нет, не потому что я финансово не потяну. А потому что вокруг — вот это. Полное дерьмо. Блестящая дешевка. Уму непостижимо. Я просто поболтать хотел. Да, готов заплатить за нее в ресторане, вообще не вопрос. И цветов не жалко. И на такси домой ее отправил бы. Но вот с такими запросами?!

— У тебя с головой проблемы? — ужасаюсь я. — Или другие способы заработать закончились? Да я лучше бывшей жене тачку новую куплю, чем тебе бабки скину за прогулку.

— Ну, не нравлюсь, не плати. Какие вопросы? Кому надо

— платит.

Еще так противно глаза закатывает и губы дует.

Это отвратительно.

— И видимо, очень сильно потом жалеет. Не буду мешать охотиться. Пойду после твоего столика руки продезинфицирую.

Она что-то хочет сказать в ответ, наверное, уколоть как-то. Но выходит у нее только смешное:

— Да сам ты заразный! Придурок!

Куда этот мир катится?

Глава 4

АНАСТАСИЯ

— Как все прошло? — интересуется сестренка и сует свой разлюбезный любопытный нос в мой холодильник.

— Терпимо. Только я осталась без машины. А Денис меня выручил.

Леркина спина застывает, так и не успев распрямиться.

— Что?!

— Опять какие-то проблемы с двигателем. Дэн посоветовал мне хороший сервис. И нечего так лыбиться!

— А ты его точно разлюбила?

Мелкая ехидна.

— Точнее некуда. И куда это мы торт потащили?!

Я принимаю в руки квадратную картонную коробку и ставлю на стол.

— Именно поэтому ты ни с кем не встречаешься после вашего развода?

— Лер, я ни с кем не встречаюсь после развода, потому что мне некогда. И потому что я дышу полной грудью, и новых мужиков мне обстирывать очень уж неохота! Вырастешь

— поймешь!

— По-дууу-маешь... — тянет Лера с обидой в голосе. — И вообще-то я уже взрослая!

— Взрослая — я. А ты мелочь пузатая.

Сестренка кривится и, облизываясь, косится на торт. Я понимаю, что Лерка уже и правда выросла, но для меня она — козявка, которая пыталась столкнуть меня с кровати в детстве, перетягивала мое одеяло и жаловалась маме, что все конфеты я смолотила в одно лицо.

Лера торжественно поднимает картонную крышку.

— Ммм, крем-чиз? — расплывается в улыбке.

— Точно. Угощайся. Я пока в душ.

— Тебе чай наливать?

— Обойдусь.

На ходу раскладываю вещи. Торт на ночь?! Утром я себя прокляну!

Через две минуты Лерка уточняет с набитым ртом:

— Насть! А ты мне второй комплект ключей оставишь на утро?

Я, потирая глаза от усталости, вновь заглядывая на кухню:

— Зачем это?

— Занятия начинаются в одиннадцать. Я бы выпалась.

Как будто у меня есть выбор.

Закатываю глаза. Лерка с мамой живет, но ко мне частенько приезжает с ночевкой.

В душе стою долго.

Воду включаю погорячее, подставляя спину.

Тяжелые крупные капли обжигают. Хочется согреться. Потому что как-то зябко внутри.

И до сих пор пальцы ласкает мягкость его губ, и внутри все сжимается от трепетного «Настёна».

И вообще, он сказал, что счастлив свободе. Какие тут могут быть комментарии?

«Номер поменял... Запишешь?»

Ой, да что толку? Так бывает, порознь лучше, чем вместе!

И прошедший год нам это доказал!

Из душа выползаю разморенной. Сейчас кремом лицо намажу и...

Ступив в коридор, замираю, уставившись на порог.

— Лера! — грозно зову сестру.

Что это вообще такое?!

— А? — показывается довольная моська из-за двери. — Увидела уже.

Скалит зубки.

— Лер. Что это за букет?

— Понятия не имею. Пока ты в душе была, курьер приехал. Сказал, для Анастасии. Я и забрала.

Ступор проходит быстро.

Кроме бывшего, больше некому.

— Записки нет, я проверяла, — ликует сестренка. — Думаешь, Денис?

— Это его стиль. Но странно.

— Да это ты странная, Насть. Тебе цветы домой привезли. Посмотри, какой букет роскошный. А тебе странности мерещатся. Широкий жест!

Поднимаю руку и медленно веду подушечками пальцев по еще не раскрывшимся бордовым бутонам. Они так тонко пахнут пряной свежестью, что я опускаю веки на мгновение. Словно во сне, вновь ощущаю на губах жадные поцелуи-укусы, нетерпение, снедающее Дениса, когда он ласкал меня.

Зачем?

Зачем будоражит душу, зачем заставляет вспоминать, окунаться в него заново? Зачем...

Ему точно это ни к чему.

Кто тогда?

— Знаешь, щедрость не всегда бывает безвозмездная, — запоздало комментирую.

— Ты заморачиваешься. Мысленное спасибо, и все, — фыркает Лерка. — Мне такого в жизни не дарили!

Она бежит за телефоном и делает несколько фото.

— На аватарку поставлю! — подмигивает. — Мне букет нравится!

— Так забирай его себе. Мне не жалко.

— Я подумаю! — зевает. — А пока пойдем спать.

Утром я стараюсь не шуметь: Лерочка еще не проснулась. Мы с этой забиякой так часто ругались и спорили в детстве, а теперь очень близки, хоть обе языкастые и можем высказать лишнего.

Ключи я положила на тумбочку еще вчера. Тихонько собираюсь и вызываю такси.

День пролетает быстро, но это не помогает мне не думать

о Денисе.

«После тебя у меня стойкий иммунитет к женитьбе».

Остро. Неприятно. Словно лезвием полоснул.

Выхожу из лифта, направляясь к своей двери, и...

Пальцы резко сжимают звенящую связку. Секунду назад лестничная площадка отражала стук моих каблуков о плитку. Сейчас вокруг становится зловеще тихо.

Еще один букет.

Совсем другой. Много зелени, и цветы в лавандово-горчичной гамме. Композиция хороша. Но... без души, что ли. Холодом обдает.

Не люблю, когда я чего-то не понимаю.

Присаживаюсь на корточки. Ищу карточку. Пусто.

Мне не радостно. Плохое предчувствие не оставляет.

Не думаю, что букеты от Дениса.

Внутри меня что-то восстает против того, чтобы занести эту холодную нежность домой.

Как будто я негласно соглашусь на то, чего мне еще даже не предложили, словно приму то, за что мне потом придется расплачиваться.

Дурацкие мысли, но...

К букету я больше не притрагиваюсь. Распахнув дверь, бросаю на него мрачный взгляд и торопливо шагаю в квартиру.

Сердце бьется, словно предупреждает о невидимой опасности, тяжелое чувство тревоги давит на плечи.

Я переодеваюсь и замираю посреди комнаты, чувствуя лютое одиночество. Встаю возле окна, опускаю телефон на подоконник. Напряжение не отпускает.

Мне не хватает кислорода. Душно. Широко распахиваю окно, и в комнату тут же дерзко врывается сварливый ветер, легким морозцем покусывая кожу плеч.

Зловещая белесая молния неожиданно ярко рассекает потемневшее небо. Вдали слышатся рычащие раскаты грома. Мгновение, и воздух становится блекло-серым, наполняя улицу бесчисленными всплесками грузных дождевых капель.

Новый раскат грома ощущается совсем близко, и именно в этот момент, заставляя меня вздрогнуть от оглушающей вибрации, приходит сообщение с незнакомого номера.

Глава 5

Я отшатываюсь, как от удара. Привычный позитивный настрой отказывает мне напрочь! Сердце грохочет, адреналин несется по венам, эхом разливая в крови отзвуки противной вибрации.

Пальцы трясутся, когда я наклоняюсь над телефоном, вчитываясь в строки уведомления.

Волосы падают на лицо, и я сердито сдуваю их.

«Привет», — гласит загадочное послание.

Я даже слегка теряюсь от такой наглости.

Что «привет»? Это и все, что ли?!

Поконкретнее как-то можно?!

Эпистолярный жанр явно не поддается моему скрытному собеседнику.

Проваливаюсь в диалог. Ну, хоть фотка есть!

Увеличить срочно!!!

Жадным цепким взглядом я взволнованно впиваюсь в это смеющееся лицо и обаятельную улыбку.

Да что б его, а!

Сказал же, что номер поменял!

Классический строгий синий костюм. Белоснежная рубашка. Стопа вальяжно закинута на колено. И при этом белые кеды.

Отвечаю возмущенно:

«Багров! Ты меня до инфаркта доведешь!»

Напряжение покидает меня очень медленно, сменяясь раздражением.

Сохраняю номер Дэна.

Багров: «А что я сделал?», и потрясенная желтая мордочка.

Выдыхаю.

Вот именно, что ничего он не сделал! А перепугал меня жутко!

Я: «Ничего ты не сделал».

Багров: «Мне твой мастер звонил».

Еще лучше. А почему не мне?!

Я: «У меня есть его контакты, я с ним свяжусь. Извини за беспокойство».

Багров: «Не бери в голову. Вот только Дмитрий сказал, запчасти задерживаются еще на пару дней, не критично?»

Я падаю на диван, окно намеренно оставляю открытым. Тянусь к пульту от освещения и выключаю все софиты, оставляя лишь контурную зеленую подсветку по периметру потолка: меня это успокаивает.

Чувствую, как в мою ногу утыкается что-то влажное.

Подскакиваю на месте, резко притянув конечность к себе. Мандраж возвращается.

На диван запрыгивает Лес, вальяжно вытягивается возле меня. Смотрит так гордо и брутально... Наверное, в своем

кошачьем мире он был бы королем.

Лес любит уединение, и ко мне приходит только ближе к ночи, чтобы занять свободное место на двуспальной кровати, да поесть перед этим. Мой кот не из нежных домашних зверьков, он не любит, когда его трогают, таскают на руках и сюсюкают. С детства таким был.

Гостей всегда встречает с высокой лежанки под потолком, внимательно и придирчиво всех разглядывает. К Лерке он еще может спуститься, потому что она неизменно притаскивает ему упаковку кошачьего лакомства, а то и две, но к маме, например, никогда не приходит.

Чего это он так смело прибежал, еще и рядом разлегся? Шерсти от него, конечно... бррр! Недавно линять стал мой шерстяной комочек.

От нового раската грома, кажется, даже стены сотрясаются, и Лес, недовольно мяукнув, ставит мне на ноги передние лапы.

— Ааа, — тяну я с пониманием, — так вот почему ты примчался. Грозы испугался. Ну, иди, я тебя спрячу.

Когда прижимаю к себе увесистого кота, он даже не сопротивляется. Отзывчиво кладет голову мне на плечо, трется макушкой о шею.

Нет, он у меня ласковый, просто проявляется это довольно редко. Самостоятельный парень.

Два ярко-желтых глаза с осторожностью глядят на меня. Так мы сидим некоторое время, и, почувствовав, как лю-

бимчик дрожит, я закрываю окно.

Держа Леса на руках, приближаюсь к двери, заглядывая в видео-глазок.

Букет на месте.

Лес ходит за мной по пятам. Это он так настойчиво намекает, что пора уже идти спать.

— Нет, дружок, еще рано. Кстати, я Денису так и не ответила.

На экране уже ждет новое сообщение:

Багров: «Ау».

Я: «Прости. Лес грозы испугался, пришлось успокаивать. Нет, не критично, придумаю что-то».

Багров: «Бедный мой, дрожит?»

Я: «Да. Но вообще-то он не твой».

Багров: «Вообще-то я его забирал от заводчика. Поэтому у меня с ним связаны самые теплые воспоминания».

Ага. Со мной столько не связано, как с этим царственным британцем. Так и хочется съязвить. Но на самом деле — да. Денис подарил мне Лесенка на день рождения и тоже за ним ухаживал, любил его. Когда развелись, муж настойчиво высказался, что кота может забрать себе. А я ответила, что нового пусть заведет. Лес мой.

Почему-то становится грустно.

Дэн добавляет масла в огонь:

Багров: «Пришли хоть фотку его».

Я, хитро прищуриваясь, поворачиваю голову:

— Лесенок, будешь фотографироваться?

Но ответом меня не удостоили, лишь мохнатый кончик аристократического серого хвоста вальяжно ходит из стороны в сторону.

Приходится включить свет обратно, поймать нужный ракурс. Я немного увлекаюсь, и фоток выходит много. Заваливаю ими Дениса.

Багров: «Спасибо:) Добряк какой:) Ну себя б хоть зацепила, что ли!»

Я: «Ой, вечно ты недоволен».

Багров: «Ну, так что?»

Я: «Что?»— недоумеваю.

Багров: «Себя приишлешь?»

Я: «Ты сдурел, что ли? Я посторонним мужикам свои фотографии не шлю!»

Багров: «Так я ж вроде не сильно и посторонний...»

Я: «Сильно, сильно».

Багров: «А если я очень попрошу?»

Я: «Подкуп?:)» — не сдерживаюсь. Улыбаюсь.

Багров: «Почему бы и нет?:)»

Я: «Потому что».

И вдогонку шлю смайл, который показывает язык.

Он долго не отвечает, и я решаю, что диалог окончен. Становится еще печальнее. Я все жду. Неосознанно. Не стоило бы, но... я жду.

Внезапно раздаешься новая вибрация.

Багров: «Настен. Может, увидимся? У меня намечается пара проектов, обсудим сотрудничество».

Я: «Давай отложим на будущее? У меня сейчас график загруженный», — не отказываюсь, но и не соглашаюсь я.

Багров: «Ок. Можем что-то другое обсудить. Предлагаю завтра».

ДЕНИС

Ее ответа жду как умалишенный.

Стоит ей спросить «зачем», и я не найдусь с ответом.

Настена долго не отвечает. Я уже решаю плюнуть на эту переписку и просто ей позвонить, поговорить, как нормальные люди. Но...

Не успеваю.

Бывшая: «Денис, скажи честно. Это ты мне букеты присылаешь?»

Плечи напрягаются, а легкие трескаются от обжигающего вечернего морозца.

Грудь распирает изнутри.

Я не должен никак реагировать. Это вообще не мое дело. Есть кто-то в ее жизни, спит она с кем-то, ждет ли кого-то.

Но... Меня тряхнуло неслабо.

Букеты? Букеты?!!!

Естественно, не я присылаю ей гребаные букеты!!!

Но она только что допустила такую мысль.

Сам не понимаю, почему я не ответил односложное завер-

шающее «нет». По-взрослому и откровенно. А вместо этого я пишу новое:

Я: «А если да?»

Бывшая: «Не стоит больше. Да и, кроме того, ты же знаешь, что я такие цветы не люблю. Подари тому, кто оценит».

Хм, значит, не все так серьезно там. У «них».

Черт.

Устало тру глаза пальцами.

А чего я ждал? Она от меня ушла. Какие встречи?

Три раза перечитываю ее последние слова. И бездушно выбрасываю напоследок:

Я: «Это не я, Настя».

Разговор на этом завершается.

Глава 6

АНАСТАСИЯ

— Что значит, вы не нашли общий язык с пресс-службой?!

У меня аж глаз задергался.

— Насть! Ну у них требования завышены... — оправдывается помощница.

— Естественно! А какие еще у них должны быть требования?

— Но мы же не PR-агентство! Как ты собираешься построить политический пиар?

— Да мы и не обязаны его выстраивать! Мы должны не упустить возможность посотрудничать с аппаратом руководителя! Мы не продвигаем кандидатов, мы делаем новый социальный проект! Каналу от этого будет только лучше!

— Никто из наших ребят не специализируется в этой области.

— Оксан, мы позиционируем себя как специалисты, которые могут создать проект на любую тему. И кроме того, — мой голос понижается до доверительного шепота, — ты предлагаешь мне послать в задницу городской департамент информполитики? Как ты себе это представляешь?! Если я откажусь, мне проще уволиться и сделать вид, что я никогда

не работала на телевидении.

Скрещиваю руки на груди. Оксана тяжело вздыхает. Хочет возразить, но я решительно прерываю ее оправдания:

— Звони и договаривайся о встрече, — строго хмрю брови. — Будем обсуждать. И не надо так вздыхать! Нам просто требуется согласовать контент!

— Хорошо. И я так поняла, как можно быстрее?

— Ты ясновидящая!

Через десять минут Оксана заглядывает в мой кабинет. Ох, как я люблю сидеть здесь, а не бегать, как ужаленная в одно место. Но чаще всего получается именно так.

— Сегодня. В шестнадцать ноль-ноль, — тоскливо объявляет Оксана.

— Отлично.

На место я приезжаю заранее. Не дай бог опоздать!

Так я думала, пока не прождала на диванчике у двери десять минут. А потом еще десять. И еще семь.

— Может быть, все-таки кофе? — извиняясь, интересуется офис-менеджер уже в третий раз. Она от безвыходности ситуации лишь пожимает плечами.

Не успеваю я ответить, как распахивается дверь. Из кабинета выходит девушка в деловом костюме. Нежно-розового оттенка. Незнакомке на вид ближе к тридцати. Белая блузка, бежевые туфли и скромные украшения завершают образ. Белесые волосы достают до плеч, уложены в строгое каре, да так идеально, что ни единый волосок не выбивается из при-

чески.

Так и хочется заметить ей вслед: *«Могли бы закончить и побыстрее!»*

Ненавижу, когда разбазаривают мое личное время.

— До свидания, — соловьем заливается офис-менеджер и переводит взгляд дружелюбный на меня. — Пойдемте.

Кабинет большой. Светлый. Стол и стеллажи деревянные. Подоконники им в тон.

— Приветствую, Анастасия Борисовна. Рад новой встрече.

— Взаимно, Петр Арсентьевич. Крайне радостно было ожидать аудиенции за дверью.

Приправляю улыбкой легкий укор.

А что? Он меня лишних полчаса промурыжил. Если бы я его так оскорбила, он, не дожидаясь, фыркнул бы, развернулся и ушел! Даже сомнений нет!

— Прошу прощения, дела, — отзывается мужчина.

Серьезный. Зеленые глаза изучающе прищурены. Половина рта искривлена улыбкой, вторая половина — словно высечена из мрамора.

Но это ощущение проходит, когда мужчина гостеприимно уточняет:

— Угостить вас кофе, Анастасия Борисовна?

— Буду благодарна.

— Как в прошлый раз? Сливки, без сахара?

Хм... Удивил.

Я недели две назад общалась с пресс-службой главы города, Петр Арсентьевич появился в самом конце переговоров. Мы обменялись приветствиями, он задал несколько вопросов и предложил отснять короткометражные ролики о жизни города и о том, какие улучшения произошли с того момента, как свой пост занял Ольховский: собственно, это и есть глава города.

С Ильей Захаровичем я впервые встретила на тех самых съемках. Это угрюмый среднего роста мужчина, вдумчивый, тактичный, говорит мало и четко по делу. У него широкий лоб и массивные челюсти, нижняя выступает вперед — прикус неправильный. И это придает мужчине несколько угрожающий вид.

Отвлекаюсь однако...

Петр Арсентьевич о сливках спрашивал.

— Да, пожалуйста. Без сахара.

Собеседник нажимает на кнопку, отдает распоряжение.

— Предлагаю начать, — от нетерпения кручу ручку пальцами. Обычно использую диктофон, чтобы ничего не забыть. Но сейчас предпочитаю работать по старинке.

Мы обсуждаем, я слушаю, конспектирую основные моменты, вношу встречные предложения. Обдумываю. Позже бюджет просчитаю, должны вписаться.

— Я все проконтролирую лично, — обещаю, дописывая до точки.

Ощущаю на себе глубокий изучающий взгляд.

Петр Арсентьевич оценивающе меня рассматривает.

Неприязни не чувствую, лишь легкое раздражение. Ничего не имею против мужского интереса, в работе это частенько даже играет мне на руку. Но сейчас... Бррр.

Открыто встречаю его тяжелый взор. Выдерживаю, не отводя глаз.

— Анастасия Борисовна, возьмите визитку, если появятся вопросы — смело звоните. Задача вам ясна?

— Все отлично. Свяжусь с вами в скором времени.

Выхожу и сразу перезваниваю Оксане.

— Ну как?!

Ишь ты, какая нетерпеливая!

— Вполне нормально поговорили, — успокаиваю я. — Как это они были такими неговорчивыми? Ума не приложу. Все вежливо, спокойно, плодотворно.

— Просто ты умеешь убеждать. Ты с Петром общалась?

— Да!

— Он просто поддался твоим чарам, стал кротким и послушным, — смеется Оксана. — Со мной он был не таким обходительным, а ты его явно заморозила!

Я улыбаюсь и пропускаю последнюю фразу мимо ушей. Воспринимаю ее как шутку.

А зря.

Ой как зря.

Но это я пойму позже.

Глава 7

— Времени на подготовку не так много. Я составила план репортажей в соответствии с графиком социальных мероприятий Ольховского. Расписала основные моменты и даты съемок. Наметила все объекты, по которым придется проехаться. Вроде все учла.

— Ты прям логист, — роняет Федор. Он у нас главный по текстам: красноречие, подача, воздействие на аудиторию — все это наш Федя.

— А ты давай-ка за работу. Освещай, светлячок ты наш! Федька закатывает глаза, но по-доброму.

— Всем задачи ясны?

— Пока да! — хором отвечают ребята, это наша традиция. «Пока» — потому что всегда вопросы появляются на стадии реализации.

— Сереж, — перевожу взгляд на нашего оператора. — Что там у тебя с оборудованием? Какие-то заморочки были.

— Аккумы сдохли, сразу два, подзарядку игнорят. Я пытался как-то их реанимировать, но они истощили ресурс, хватает их на несколько минут. И свет для локации тоже барахлит. Еще с прошлой недели. Насть, ну можно новый, а? С этим кадр отстойный!

— Мне на почту скинь альтернативу, я добавлю в расходы. И смотри у меня, чтоб цена не заоблачная, а то ты любитель.

Я из бюджета выйти не могу. А им хоть бы что.

— Да понял я, понял... — кивает Сережа.

— Съёмки начинаем завтра, — продолжаю я. — Время согласую сегодня к вечеру, сейчас заканчиваем свои дела. Завтрашний выпуск смонтировали?

— Да!

— Жду. Оксан, ты на связи. Рабочий чат на тебе. Меня через полчаса уже не будет на месте. Если что-то срочное — звоните. Все свободны. Расходимся.

Я стараюсь доделать срочные дела, всем ответить на письма и раскидаться с проблемами.

Забираю машину из сервиса.

Руки, конечно, чешутся написать Дэну просто спасибо, но я сдерживаюсь. Далось оно ему. Да и, кроме того, зачем начинать разговор, если я не планирую продолжать его.

Благодарю мастера, оставляя за собой возможность позвонить ему в случае, если словлю новые приключения.

Оставшаяся часть дня выходит не менее напряженной. Везде нужно успеть. Все проверить. Работа кипит, но я люблю ее, не променяла бы ни на какую другую.

Домой приезжаю уставшая. Лесенок меня не встречает, глядит с высоты своей лежанки.

Разувшись, прохожу в гостиную и около минуты просто стою, задрав голову, любуясь своим британским красавчиком.

Выдыхаю. Мне нужна эта минута перезагрузки.

Отдышаться и, наконец, почувствовать себя дома. Проникнуться этим сладким ощущением умиротворенности и тишины.

— Ужинать будешь? — миролюбиво уточняю у кота.

Перезагрузка прошла успешно.

Лес молчаливо отворачивается и зевает.

— Ну и ладно. Тогда я сама.

Лерка должна была сегодня приехать, но сказала, что не успевает, перенесли встречу на завтра.

Через полчаса раздается звонок в дверь.

Я нехотя плетусь в коридор. Это что же... Опять цветы?!

Курьер стоит в ожидании. Я вижу его терпеливое лицо в видео-глазок.

Можно, конечно, не принять и сделать вид, что меня нет дома, но если я открою, то зато, возможно, смогу узнать, от кого заказ.

— Здравствуйте, — вежливо приветствую мальчишку: он совсем молоденький. — Какая прелесть, — радуюсь я наигранно.

— Анастасия Багрова? — уточняет парень, заглядывая в небольшой тонкий блокнот. Верхний уголок немного измят.

— Верно. Спасибо, — принимаю букет, показательно ищу записку и, не сумев отыскать, «растерянно» уточняю, — а от кого цветы? Надо же понимать, кого мне благодарить.

— Чего не знаю, того не знаю. Такой информации у меня нет.

Ладно.

Это просто цветы. Их отправитель скоро объявится, не может же он вечно скрываться. Но вся эта таинственность меня больше напрягает, чем радует.

Лес спрыгивает с лежанки и направляется к букету. Исследует: нюхает, трется мордочкой о крафтовую бумагу, даже слегка прикусывает листочек, и, фыркнув, отворачивается.

— Тебе тоже это не нравится, Лесенок? Вот и мне. Тяготи́т, да?

Кот, вальяжно пробежавшись до миски, ткнулся в нее носом. А наевшись, махнул в спальню, разлегся на покрывале и мирно ждал, пока я, наконец, не выключу свет и не займу свое место.

— Ольховский задерживается, — предупреждаю я ребят. Мне недавно позвонили из пресс-службы, сообщили, что глава города подъедет чуть позже оговоренного времени: дела.

— Надеюсь ненадолго, — бурчит Сережка.

— Ненадолго. На час примерно, — я пожимаю плечами в ответ на общий скорбный вздох.

— Тогда я пока обстановку зацеплю, — заявляет Сергей и уходит к камерам. Ребята разбегаются.

— Вы чем-то расстроены, Анастасия Борисовна, — ле-

тит мне в спину беспечное замечание. Совсем близко. Да так неожиданно, что я вздрагиваю.

Оборачиваюсь, сдерживая желание обрушить на голову смельчака что-то очень тяжелое.

Берестовский!

Уже подъехал. Надо же, как я пропустила его?

— Доброе утро, Петр Арсентьевич. Вы так незаметно подкрались.

— Испугал? — интересуется вкрадчиво.

— Нет, но заставили взволноваться.

— Знаете, вызывать у такой женщины, как вы, трепет и волнение — это почти комплимент, — он обнажает идеально ровные зубы.

— Сразу видно, что ваша должность — ваше призвание. Как уклончиво-обтекаемо перевели разговор на меня.

— Работа обязывает. Но в следующий раз могу пустить сигнальную ракету, чтобы вы меня заметили издалека, — ухмыляется он. Взгляд цепкий, но глаза смеющиеся. С искорками.

— А у вас и такая имеется? — мой голос становится тягуче-сладким.

— Не без этого. Кстати, — он протягивает мне картонный поднос с двумя бумажными стаканчиками. — У меня совершенно случайно оказалась лишняя чашечка кофе. И как удивительно — именно такой, как вы предпочитаете.

— Ох, спасибо, вы волшебник! — Принимаю стаканчик,

салютую им в воздухе перед тем, как сделать первый глоток. Ммм, горячий. Потрясающе! И мне вообще фиолетово, откуда он тут взялся! — Если вы еще и время вперед отмотаете, то я буду в полном восторге!

— Илья Захарович редко задерживается. Обычно он крайне пунктуален, — защищает главу города Берестовский.

— Видимо, это я такая счастливая. Мне всегда «везет».

— Едет! — Спустя сорок минут объявляет Берестовский, который все это время беспрестанно отвечал на звонки и раздавал задания.

Ольховский выбирается из машины, бегло оглядывает мою команду, и мы приступаем. Снимаем мы долго, с небольшими перерывами. Я контролирую процесс на небольшом расстоянии.

С главой города я перебросилась лишь парой фраз приветствия, как и в предыдущий раз. Он спокоен. Мне кажется, что его эмоций сложно добиться. Он ни разу не повысил голоса, речь его размеренная, грамотная.

В целом он довольно приятный человек. Во всяком случае, умеет произвести впечатление.

В конце съемок ему позвонили, и он долго общался по телефону сидя в машине. После — оставив неоконченными поставленные перед нами задачи, он опустил стекло своего черного представительского авто, кивнул Берестовскому и уехал.

— Спасибо за сотрудничество, Анастасия Борисовна. Ра-

ботать с вами — одно удовольствие.

— Но... но-но-но мы ведь еще не все согла...

— Давайте на сегодня закончим. Сюжет длинный не нужен. Основные моменты вы отразить в состоянии из отснятого материала, часть композиции можно оформить и без Ильи Захаровича. Доброго дня. Будем на связи, — заключает Петр Арсентьевич, проходясь оценивающим взглядом по моей фигуре.

И тоже уезжает.

Нормально так!

— Насть, ну и что делать? Остальное все выбрасываем из сюжета?

— Пока да. Все, ребят. Едем в студию.

На сегодня у меня еще куча дел. И очень хочется домой.

От взгляда Берестовского до сих пор подкидывает.

От тех самых букетов у меня было такое же неприятное ощущение...

Глава 8

Багров: «Ну как, с машиной теперь порядок?» — прилетает мне сообщение перед сном.

Лес словно почувствовал, от кого оно, сразу уткнулся мне в шею носиком. И лапой игриво по чуть-чуть подталкивает ко мне телефон.

— Я уже прочитала. Это от Дэна, — объясняю коту, словно он и правда способен меня понять. — Ты думаешь, мне стоит ответить?

— Мяяу.

— Я могу сделать вид, что уснула. И проигнорировать.

Морду кота надо видеть: недовольная, жуть. Лес как будто скривился. Даже отвернулся от меня. И уши прижал. Но молчит.

Вздыхаю.

— Ладно-ладно. Сейчас отвечу.

И проще же свалить все на кого-то другого, чем признаться себе, что мне самой хочется черкануть Дэну пару строк.

Ищу в смайлах большой палец вверх и дописываю:

Я: «Ошибка больше не загорается. Спасибо тебе большое».

Багров: «Тебя еще не достало это неуправляемое чудовище?»

Я лишь раздраженно морщу лоб.

Я: «Нет, что ты. Я ведь уже развелась».

Отправляю без зазрения совести! А нечего моего упряма обзывать. Мой автомобиль вообще-то уже три года отслужил. И обогнал по длительности мой очень счастливый брак!

Багров: «Ха-ха-ха! Я не себя имел в виду. Машину не думала поменять?»

Лесенок вздрагивает и переворачивается на живот от моего искристого смеха. Даже недовольно мяукнул и снова развалился на кровати, пару раз нервозно язычком пройдясь по дымчатой грудке.

Я: «Меня старая устраивает».

Вот вроде и не видим друг друга, а уже подбешивает!

Багров: «Она ломается».

Я: «Но ты же любишь, когда ломаются».

Багров: «Женщины, а не машины...»

Ой, подумаешь. Опять пофыркать на него охота. Но нельзя. Официально мы теперь чужие люди. И надо соблюдать вежливость. И дистанцию.

Да-да.

Багров: «Кстати, как тебе новый заместитель?»

Я недоумевающе уточняю: «Заместитель чего?»

Багров: «Заместитель меня».

Если бы это было приличным, я бы тоже как Лес помяукала от обиды.

На самом деле заменить Дэна я не смогла, собственно, и

не пыталась, лишь иногда до сих пор накатывает...

Я: «Денис, что ты хочешь?»

Багров: «Поздравить с годовщиной, конечно».

Ну надо же. Присобачил еще эту довольную желтую морду. Как будто ему без меня аж дышать легче стало!

Я: «С годовщиной развода? Спасибо. Взаимно».

Багров: «Я старался!»

Если бы он хоть чуточку старался, мы бы не разошлись!

Я: «Не верю — ты умеешь лучше. Со следующей разрешаю так не напрягаться и не поздравлять».

Багров: «Совсем меня не ценишь. Видишь, какой я внимательный и скрупулезный. Другие мужики все даты забывают. А я помню».

Я: «Мамочки мои родные, как же мне повезло».

Багров: «Придирчивой ты стала, Настёна. Как насчет того, чтобы отметить?»

Насмехается еще. Ну, я ему покажу.

Я: «В принципе я этим и занимаюсь».

Поднимаюсь и направляюсь на кухню, тянусь к стакану с водой, плещу туда воды из фильтра. Утром водички попою.

Дописываю: «Примеряю свой самый подходящий наряд, уже наполняю бокал».

Отправляю.

Подношу стекло к губам.

От неожиданности давлюсь водой и начинаю захлебываться. Откашливаюсь долго.

Багров: «Разглаживаешь складки на пижаме и готовишь воду на утро?:)»

У меня аж слезы выступили на глазах. Я отворачиваюсь, улыбаясь.

Терпеть его не могу. Просто! Не могу! Его! Терпеть!

Я: «Задница ты та еще, Багров».

С удовольствием и нетерпением смотрю на эти три точки, знаменующие, что собеседник набирает ответ. И что-то очень долго.

Багров: «Вот почему когда мы обсуждаем мою задницу, в этом нет ничего такого, а как только я упоминаю о твоей, ты сразу бесишься и обзываешься?».

А можно я его все-таки ударю, а? Для профилактики!

Прыскаю в кулак.

Он, конечно, та еще сволочь, но с ним всегда было весело. Если Дэн не докапывался.

Я: «Не сравнивай. Я твою упоминаю исключительно в воспитательных целях».

Багров: «А я твою — в эстетических».

Не отвечаю намеренно.

Багров: «Так что там насчет отметить? Или я угадал и ты уже в пижаме и собираешься спать?»

Я: «Угадал».

Он звонит.

А я... Я немного теряюсь от такого резкого перехода.

И от его теплого бархатного тона.

— Настён.

— Что?

— Мое предложение сходить куда-нибудь в силе. Я серьезно. Пойдем, посидим где-нибудь.

— Тебе не с кем вечер скоротать? — язвлю от души.

— А при чем здесь это?

Раздается звонок в дверь.

— Ой, — вырывается у меня.

— Кто-то пришел? — уточняет Дэн с задором.

Я смотрю на экран и вздрагиваю. Опять? Опять курьер с цветами?!

Настороженность сменяется сказочным волнением. Не таким, когда ожидаешь что-то приятное, а очень даже наоборот. Когда точно чувствуешь — не к добру это. Не к добру...

— Дэн?

— А?

— Ты повиси, пожалуйста.

Моя просьба вызвана не злорадством. Мне очень нужно, чтобы хоть кто-то сейчас был со мной на связи. Хотя бы он...

— Да без проблем! — соглашается радостно.

— Здравствуйте, Анастасия Багрова? — уточняет улыбчивый курьер, когда я распахиваю дверь.

— Да, все верно.

— Доставка цветов.

— Да я уж и сама вижу. А от кого?

— Там записка. Хорошего вечера.

И уходит.

У меня, честно, внутри все обрывается!

Я абсолютно не замечаю, какая хрупкая нежная красота согревается в моих руках. Решительно нахожу записку и вытаскиваю карточку из конверта.

Ошарашенный взгляд впивается в буквы. Всего два слова. Набираю в грудь побольше воздуха.

— Ты?! — выдаю я слишком громко. Чтоб он оглох там! На другом конце провода. Вот же... Вот же он!...

Отшвыриваю в сторону записку, на которой крупным печатным шрифтом красуется:

«С годовщиной. От любящего супруга».

— Дэн, ты совсем ненормальный?!

— А что? — прибедняется бывший. — Какая годовщина без цветов! Да и если откровенно, — он понижает голос до доверительного шепота, — очень захотелось побесить твоего нового ухажера.

— Я так и знала, что ты не умеешь действовать из альтруистических соображений.

Вслух возмущаюсь, но цветы прижимаю к себе. Покрепче. Мои любимые. Нежно-розовые. Пиончики.

— Понравились хоть? — смеется этот бархатный голос. Столько ласки в нем...

— Да. Классные! — восхищаюсь искреннее.

— Вот и поставь на видное место! С гордостью!

— Спасибо, Денис. И как ты вообще вспомнил? Я уж и

сама забыла.

— А потому что у тебя память плохая. Ты вечно все забываешь.

Мне даже не обидно. Что есть, то есть. Но я нашла способ справляться с забывчивостью: просто теперь стараюсь записывать все важное.

Мы прощаемся друг с другом на доброй ноте, он желает мне спокойной ночи. Я ему, наоборот — беспокойной.

Хоть и точит изнутри неуместное чувство собственности, но как мы оба с Дэном уже сумели убедиться, ничего хорошего оно никогда не приносит. Да и я понимаю, что женщины в его жизни есть. И не одна.

Но это сейчас меня не волнует. Два букета от неизвестного я выношу в коридор, размещаю на подоконнике: он здесь широкий, удобный. Цветы оставляю прямо в своих вазах.

А от Дэна — самые красивые и нежные — уношу в спальню. К себе поближе.

ДЕНИС

Отбиваю вызов, отбрасываю в сторону телефон, нахмурившись.

«Я уж и сама забыла».

Еще небрежно так. Равнодушно.

Везет ей.

А я вот не забыл.

Глава 9

АНАСТАСИЯ

— Насть. На-астя-я! — громким шепотом зовет Оксана, внезапно появившаяся в дверях моего кабинета. Она размахивает обеими руками, словно у меня за спиной сам дьявол появился.

Я плотнее прижимаю трубку к уху, чтобы было лучше слышно собеседника, и прикладываю к губам указательный палец свободной руки.

— Там! — не унимается она, кивая себе за спину. Вид у нее жутко взволнованный. — Из администрации города! По второй линии!

Да чтоб вас всех, а!

Ни минуты покоя!

Резко отнимаю трубку от уха, отодвигаю подальше и таким же громким шепотом выдаю гневную тираду:

— Ну и что ты орешь-то?! Перезвоню я им! Контакты возьми!

— Не дают! Говорят, ты нужна. Лично! И прямо сейчас!

— Значит, пусть через пятнадцать минут перезванивают. Обнаглели вконец.

— Ты шутишь?! Мне им так и передать?

— Слово в слово. И уточни, что это от меня лично!

Оксана уходит, а я возвращаюсь к разговору.

Когда Оксана переключает на меня звонок, я даже немножко приподнимаю голову и ровняю спину.

— Пресс-служба Ольховского. Анастасия Борисовна?

— Петр Арсентьевич, какой сюрприз. Вы переполошили мою помощницу. Не стыдно? — добавляю шепотку мягкости, это всегда срабатывает с мужчинами.

— Я могу переполошить весь город, — ухмыляется Берестовский. — Что мне ваша помощница?

— Не сомневаюсь. Чем обязана такому живому интересу?

— Хотелось бы переговорить и учесть некоторые... моменты.

— Репортаж не устроил?

— И это тоже. Нужно договориться о деталях и отметить нюансы, — роняет он деловито. — Желательно сегодня. Лично.

— Хорошо. Могу вечером, — быстренько прикидываю время. Его светлость ведь изволит-с в такой час еще оставаться на месте? — В шесть.

— Идеально, — как ему удастся пропитать железной решимостью каждое слово? — В восемь еще лучше. Я уточню адрес.

Отключается, оставляя меня в растерянности.

У меня вытягивается челюсть, я отнимаю трубу от лица и бессильно рассматриваю телефон. Ни здрасте, ни до свидания.

Какой умный, однако. А если в восемь неудобно мне? Это, если что, уже нерабочее время!

Он всегда так ведет переговоры? Хотя какой там. Он отдает приказы. Но нужно же оставить собеседнику хоть толику ощущения, что он не заложник ситуации, разве нет?

Так.

Что корректнее сделать? Попытаться дозвониться до него и перенести встречу? Или проглотить и ждать, пока наступит восемь вечера?

Дозвониться не получилось.

Чертов Берестовский!

— Оксана, я отправляюсь объекты смотреть. Следующие съемки должны быть живописными, — объявляю, на ходу набрасывая на плечи пиджак. — На связи.

Дверь за спиной закрывается.

Мой капризуля заводится с полуоборота, едет мягко.

Ожидание вечера неспешно поклевывает мозг.

Ровно в семь вечера приходит СМС: «Ресторан «Прага». 20:00».

И точка геолокации.

Берестовский, надо же, тут же дозванивается:

— Анастасия Борисовна, я уточнил информацию. Отправил.

— Ресторан? — переспрашиваю, съезжая с дороги, здесь ужас какое плотное движение.

— Естественно. Это удобнее всего.

— Подъеду.

Не очень меня прельщает ужин с Берестовским, но я же понимаю, как у нас все делается.

— До встречи.

Ровный спокойный тон.

Говорят, в тихом омуте черти водятся.

Возле ресторана машин на парковке минимум.

Меня встречает администратор, вежливо здоровается.

— У вас сегодня немногочисленно, — замечаю я озираясь.

— Сегодня — да. Резервы на более позднее время, — поясняет с улыбкой девушка.

У нее живой взгляд и две ямочки на щечках. Миловидная.

Мы заходим в ВИП-зону, сокрытую от посторонних глаз.

Освещение хорошее — я сразу обращаю внимание на роскошные люстры и стильные светильники. Комната выполнена в бело-черно-коричневых цветах.

Массивный вытянутый деревянный стол с шестью обитыми кожей стульями кажется некомфортным для двух персон. Музыка тихая, приглушенная. Расслабляющая.

С краю скромненько пристроился Берестовский, листая меню. Завидев меня, он теряет интерес к пухлой папке и поднимается.

— Анастасия Борисовна. Вы пунктуальны, как ни одна женщина, — сдабривает комплимент щедрой улыбкой.

— Рада, что вы цените во мне специалиста, — язвлю тонко. Хотя он, наверное, даже не поймет.

— Как раз это и хотелось бы обсудить. Присаживайтесь.

Отодвигает стул напротив себя. Уже приятно, что не рядом, это было бы слишком... провокационно.

Я заказываю легкий салат и стакан воды. Ровно столько, сколько требуется, чтобы деловой ужин не перерос в неформальную встречу. Берестовский же не настолько сдержан. Он заказывает столько еды, сколько, казалось бы, не осилить и троим.

— Минут пятнадцать ожидания, — сообщает официантка.

— Напитки сразу, — безэмоционально роняет Берестовский, не отводя от меня глаз.

— Анастасия Борисовна. Нам необходим сюжет в стиле «Один рабочий день мэра». Требуется грамотная проработка подачи материала, готовность к придирам со стороны оппонентов, — тут он хитро прищуривается и растягивает губы в коварной улыбке. — Освещение в массах. В свою очередь с нашей стороны вы получаете доступ в администрацию, возможность присутствовать на плановых и селекторных совещаниях, встречах, выездах в район и заседаниях различного уровня.

— И как я понимаю, значимость заседаний в оговоренные дни останется на уровне города.

Выше меня не допустят.

— Какая великолепная проницательность. Что скажете, Анастасия Борисовна?

Лишние вопросы я держу при себе. Даже просто находиться рядом с Берестовским довольно некомфортно.

Мы обсуждаем идею и начинаем горячо спорить, когда нам приносят салаты. Три тарелки.

— Благодарю, — кивает официантке мужчина и тянется к вилке.

Дверь в помещение распахивается, и входит...

— Добрый вечер.

Неожиданно.

Сухое усталое приветствие кажется неуместным, а появление здесь Ольховского — бестактным.

Новый гость размеренным шагом приближается к нашему столу, мает по мне незаинтересованным взором, заставляя подумать о мелких букашках, недостойных внимания.

— Я закончил, — объявляет он утомленно, вальяжно отодвигая стул.

— Только что принесли салаты. Сейчас уже будет горячее, — поясняет Берестовский. — Мы с Анастасией Борисовной все обсудили. Она согласна.

Вот вроде бы и слова понятные, но все равно неразборчивый подтекст остался мною неразгаданным.

Ольховский бесстрастно смотрит в мою сторону.

— Здравствуйте, — вырывается у меня. Надо что-то еще сказать, информативно и по делу. — Да, я подготовлюсь к репортажу и...

— Это должен быть полноценный выпуск, — все так же

размеренно поправляет меня Ольховский. В его сдержанном голосе обнаруживаю нотку охриплости, которую раньше я не замечала.

Мэр слегка поворачивает голову в мою сторону, и наши взгляды встречаются.

Мурашки пробегают по спине. Ольховский сверлит меня глазами, изучая. Что он пытается разглядеть? Не знаю.

Глаза в глаза, больше он никуда не смотрит. Мне становится зябко. Наконец, он добавляет:

— Мой рабочий день начинается очень рано. В пять ноль пять утра. Потянете?

— Понятно. Не проблема.

— Далее зарядка и пробежка. С восьми я уже на рабочем месте.

— Вы делаете зарядку?! — вытаращиваюсь я.

Как-то не клеится это легкое слово к мрачному человеку, что сидит... сбоку от меня.

Меня прошибает током.

Он ведь мог сесть во главе стола, но не сделал этого, а Берестовский специально отодвинул для меня второй стул, не оставляя вариантов выбрать себе место.

Глупость какая, да? Да, наверное. Это все тяжелая энергетика Ольховского. Очень спокойная, расслабленная, барская. Но от этого не менее давящая. Сбивает с толку.

— Пишите себе заметку, — кивает Ольховский. — Делает зарядку.

Он сейчас, кажется, пошутил. Но без тени улыбки это кажется зловещим.

— Хорошо. По поводу распорядка дня я могу связаться с вашей помощницей?

— Она сама с вами свяжется, Анастасия...

Мое имя звучит сильно и неоконченно. Ольховский впросительно смотрит на руководителя своей пресс-службы. Тот тут же приходит на помощь:

— Борисовна!

— Борисовна, — повторяет Ольховский. Все так же мрачно и безрадостно. Словно перебирает каждую букву, отдельно ее пережевывая.

Набираю побольше воздуха в грудь и пытаюсь сбросить с себя странное наваждение.

Задаю несколько вопросов. Ручка в моей руке не замирает: я постоянно делаю пометки в блокноте, пока мужчины разделяются с горячим. Мой же салат остается нетронутым.

Я уже собираюсь поблагодарить за сотрудничество, но фраза застревает в горле, когда Ольховский откидывается на спинку стула и небрежно роняет:

— Петр Арсентьевич. У тебя дела еще остались, — и, не дожидаясь ответа, добавляет: — Пойди. Займись.

Но... что? Куда?!

Так и хочется вскрикнуть: «Подождите»!

И двух секунд не проходит, как Берестовский тянется к

салфетке, неторопливо касается уголков губ и поднимается.

Его слова прощания встречают слабое одобрение: Ольховский кивает.

Мы остаемся с мэром наедине.

И сразу становится еще тяжелее. Вроде все выяснили уже.

— Мне все ясно, Илья Захарович. К работе приступаем на днях?

— Завтра, — шокирует он.

— Завтра?!

В пять утра? Так мне же команде нужно объявить! Это счастье, если я дозвонюсь до всех прямо сейчас! Еще лучше будет, если все в пять утра уже будут готовы начать работу, а это значит, что подъем нам предстоит максимум в половине четвертого утра.

— Конечно, — подозрительно прищуривается Ольховский.

— Вот как.

— Определенно.

— Мы можем утро отснять в другое время, чтобы не мешать вашей... пробежке.

— Утро мы будем снимать утром. У меня жесткий график. Другого времени просто нет. Придется подстроиться. Моя помощница вам позвонит. Если удобно — то прямо сейчас.

— Давайте примерно через полчаса. Я свяжусь с командой, отдам срочные распоряжения.

— Прекрасно. Через тридцать минут. Если угодно, вы мо-

жете общаться здесь.

— Не буду отнимать ваше личное время, Илья Захарович.
Решительно поднимаюсь.

Засада какая-то, честное слово!

Но ничего. Где наша не пропадала.

Приближаюсь к машине и на бегу уже звоню Оксане.

Даю ей задание обзвонить всех.

В общий чат скидываю срочное сообщение.

Ответа нет ни от кого.

Прячу телефон и отъезжаю от ресторана. Нужно не пропустить звонок помощницы Ольховского.

Телефон бряцает в кармане.

Наконец-то! Неужели все спят?!

Почему никто не отвечает?

Но вместо ответа в чате я получаю от Дениса насмешливое замечание.

Багров: «Ты, как всегда, везде. Но только не дома. И не спится же тебе по утрам, Настена, еще и ребят обрадовала:;)».

Не поняла. Что за...

Ах ты! Не туда прислала сообщение! Дэнну скинула!

Я: «Прости, диалогом ошиблась».

Перенаправляю сообщение ребятам.

И все. Сразу пошли ворчливые смайлики и вопросы «за что?».

Багров: «Ну как? Команда в восторге?:)».

Я: «Моя команда готова к любым сложностям».

Багров: «Так и быть, завтра могу позвонить и разбудить тебя по старой дружбе».

Я: «Обойдусь как-нибудь».

Багров: «А вот и зря. Ты же половину съёмок бы проспала, если бы не я».

И, как всегда, выводит меня!

Я: «Если бы не ты, я бы преспокойно высыпалась себе по ночам!».

Багров: «Если бы не я, Настён, твои ночи были бы такими же холодными, скучными и одинокими, как сейчас».

Блокирую телефон. Ноздри раздуваются от возмущения.

Отбрасываю телефон на соседнее сиденье.

Пошел он. Философ!

Нормальные у меня ночи!

В игнор.

У меня на сегодня еще куча дел! Некогда мне злиться на человека, которого в моей жизни больше нет.

И наших горячих страстных ночей... тоже.

Глава 10

АНАСТАСИЯ

— Иногда я ненавижу свою работу...

Сережка, несдержанно зевнув, устремляет пустой взгляд вдаль.

Я и сама как в коматозе, ощущения смазаны, мне зябко и хочется обратно в кровать. Укрыться теплым одеялом, уткнуться головой в подушку, притянуть к себе возмущающегося кота. М-м-м — блаженство.

А вместо этого мы все стоим у цели и ждем, когда же наш сегодняшний герой покажет нос.

— Не бойсь, Серег! Ольховский сейчас на пробежку выйдет, как раз и ты разомнешься, сон как рукой снимет! — издевается Федор, улыбаясь во все тридцать два.

— Вот, Федька, умеешь ты поддержать, а! — еще сильнее страдает Серенький. Таким несчастным выглядит, жалким. Даже в моей душе ворочается что-то наподобие сострадания. — Мне сейчас еще с камерой за этим барином носиться!

— Ребята. Брейк. После будете возмущаться, — вклиниваюсь я в их обмен репликами, намеренно не занимая ничью сторону. — Состояние готовности.

— Ц... — обиженно цыкает Сережка и отворачивается, переключая внимание на объектив. Подвисает в настройках.

— Доброе утро, — раздается через три минуты. Бодро, размеренно, как всегда, эмоции в голосе отжаты до минимума.

Мои ребята как по команде подбираются. Я даю им знак начать.

Ольховский, не обращая никакого внимания на посторонних, проходит к своему черному седану, блестящему в свете искусственных огней: и когда только машина успела подъехать?!

Мэр занимает свое место, и автомобиль трогается.

Сережка даже присвистывает от изумления, указывая ладонью вслед удаляющейся машине.

— Чет не улавливаю немного. Мы в догонялки играть будем? Нааасть?..

Я чертыхаюсь про себя, отвечивая Ольховскому пару нелестных комплиментов.

— Зацепи его в кадр, пока не умчался!

Сережа свое дело знает, начинает работу еще до того, как я указываю на бампер Ольховского. Я жду, пока Сергей сообщит о готовности — махнет рукой — и команду дальше:

— По машинам!

Плечи коллег уныло опускаются, на лицах застревает неудовольствие.

Отворачиваясь, торопливо топаю к нашему минивэну.

Утренняя прохлада непривычно покусывает щеки и шею. Надо было шарф захватить. Неделя выдалась холодной.

Пробежкой Ольховский занимается на свежем воздухе в частном секторе. Хорошо, что все разрешения и пропуска удалось оформить вчера вечером. Помощнице Ильи Захаровича отдельное спасибо за оперативность и готовность идти навстречу.

— Все, ребята, работаем! — отдаю я последние инструкции.

Раннее утро плавно превращается в рабочий день.

Мне кажется, что я уже сутки на ногах. Мы побывали на нескольких встречах, отчетах, захватили поездку на стройку соцобъекта.

Мои ребята совсем приуныли, стали раздражительные и мрачные.

Пятнадцатиминутный перекус, который всех ждал в одиннадцать утра, после себя оставил лишь воспоминание.

Объявление о новом перерыве мои работяжки встречают с благоговейным трепетом. Я отпускаю народ на час поесть и передохнуть.

На часы смотрю ужасаясь.

Пять вечера. Ооо... Едва не стону. Больше двенадцати часов на ногах.

Какой же, оказывается, у мэра плотный день.

Мы уже вернулись в администрацию.

Мои ребята разошлись, я только что перекинулась парой слов с помощницей Ольховского, как моей спины вдруг кажется что-то теплое и твердое.

Я почти оборачиваюсь, но замираю, заметив, как напрягается девушка.

Она недоверчиво глядит мне за спину и лепечет:

— И-илья Захарович...

— Принеси нам с Анастасией Борисовной кофе, — строго смотрит он на помощницу, — и перекус. Пойдемте, Анастасия Борисовна.

Распахивает дверь кабинета и проходит первым.

— Я хотела в кафе пообедать, пока у нас перерыв.

Заглядываю внутрь.

— Пообедаем здесь, — обозначает он ровным тоном. — Это удобнее. Или точнее будет сказать, поужинаем.

— Но...

— Располагайтесь, — настаивает безапелляционно. — Я не кусаюсь.

— Искренне верю, но предпочитаю не проверять.

Ольховский прищуривается. И вдруг... его внимательный взор скользит по моей фигуре вниз. Ощущение, словно этот мужчина руками меня трогает. Бррр! В его зрачках плещется что-то неуловимое. Нечеловеческое. Дикое. Что-то такое, что полностью перекрывает размеренность и галантность Ольховского.

Он не спускает с меня глаз, даже когда заходит его помощница, чье имя в этот момент полностью вылетает из моей головы, и бесшумно ставит две белоснежные маленькие чашечки на стол.

Уходит.

Дверь закрывается с тихим едва различимым щелчком, но для меня он звучит резко и громко, словно выстрел.

Я стараюсь не показать, как напряжена, как меня тяготит общество мэра. Вот так: один на один.

Что же там плещется в омуте его пронзительных янтарных глаз? Непредсказуемое и темное. Опасное и пагубное.

Не уверена, что можно так быстро принести поднос с едой, но помощница Ольховского справляется отлично.

И это не перекус, это полноценный роскошный ужин, только свечей не хватает. Сразу становится ясно, что девушка была готова заранее.

— Вы обычно такая веселая и бойкая, а тут притихли, — пытается пошутить Ольховский и улыбается. Одними губами. В глазах — застывшая вода. Холодом отдает этот лед. Мне становится еще тревожнее. — Угощайтесь.

Сказано так, что возразить даже и мысли не возникает.

— Вы поразительно профессионально работаете, Анастасия Борисовна, — роняет Ольховский, обгладывая взглядом мои плечи. Наши взоры пересекаются, мое дыхание углубляется. — Я наблюдал за вами.

Тяжело сглатываю. Подношу чашку к губам. Горьковатый привкус кофе освежает и отрезвляет, заставляя сбросить напряжение.

Пожалуй, я слишком искажаю реальность, что со мной случается крайне редко, но сидящий напротив мужчина од-

ним присутствием пробуждает тревоги и страхи. И смотрит так... Зачем он так смотрит?

— Да. Я свое дело знаю. Результатами горжусь. И наш репортаж — не исключение. Я обещала, что все будет на высшем уровне.

— Что это мы все о работе, да о работе, — как-то странно переводит он тему. — Предлагаю разбавить официоз. Да вы угощайтесь, угощайтесь, Анастасия Борисовна. Кстати, у вас очень красивое имя. Мою маму так звали.

Он сверкает глазами. Колдовскими, темнеющими, завораживающими. Ольховского нельзя назвать бесспорно красивым мужчиной, но в его внешности есть что-то... дикое, сокрытое от посторонних. Что неизменно привлекает при всей мужской правильности. Прикрытое лоском и броской «чистотой». Первобытное и захватническое. Хищник. Он определенно хищник. И его добыче очень не повезет.

В любой другой ситуации, с любым другим мужчиной я бы позволила себе капельку кокетства. Но здесь... Нет-нет. Опасно стать ошибочно истолкованной.

— Молчите, потому что ответить не хотите, или так сильно проголодались?

Подвигает ко мне тарелку. Я не помню, в какой именно момент заняла место за столом напротив мэра.

В руку ложится вилка.

— Проголодалась, — прочистив горло, выдавливаю из себя.

— Налетай, — шутит он, а взгляд все такой же обжигающе-морозный.

— Благодарю.

Отчего-то отказаться и выйти из кабинета, негласно оскорбив Ольховского, кажется мне абсолютно недопустим. Так же, как и трапезничать с ним. Но из двух зол...

— Я все хотел спросить, Анастасия Борисовна. У вас аллергия на цветы?

Вилка замирает в воздухе, так и не приблизившись к моим губам.

— Нет, — растерянно отвечаю я, не угадав природу вопроса. — С чего такое предположение?

— Значит, мои вам просто не понравились, раз вы не захотели забрать их себе?

Прибор выпадает из моих ослабевших пальцев. Мне становится тяжелее дышать.

— П-простите? — заикаясь, встревоженно переспрашиваю.

— Вы предпочли оставить букеты в подъезде. Почему?

Глава 11

Звонкий лязг делает атмосферу еще более гнетущей.

Воздух с силой врывается в мои легкие. Я молчаливо моргаю, едва сдерживая порыв вскочить со стула, словно мне пятую точку припекает.

Он?! Но это же невозможно! Да мы с ним никак и не общались! Только раз был. Незадолго до того злосчастного интервью с Денисом, когда у меня сломалась машина! Да и то мы с Ольховским если и пересекались, то лишь мимолетно!

— Столько эмоций на вашем лице, — посмеивается Ольховский.

— Илья Захарович, вы...

Все, что я хотела сказать, растворяется за ненужностью, потому что Ольховский грубо прерывает меня, строго замечая:

— Я же предложил отбросить официоз. Когда мы наедине, ты можешь обращаться ко мне по имени.

— Вот этого я точно не ожидала... — роняю то ли вслух, то ли думаю про себя.

Но вероятнее, все же вслух, потому как тонкие губы Ольховского кривятся в насмешливой ухмылке.

— Спишем твое молчание на шок, — он откидывается на спинку кресла. А оно даже не скрипнет! — Настя, ты очень

красивая женщина. Интересная и привлекательная. Я бы хотел растянуть наш букетно-конфетный подольше, но у меня нет столько времени. Сама видишь, какой у меня график. Давай мы сейчас попробуем договориться. Озвучь сразу свои предпочтения и желания. А я учту.

Грубовато и бестактно.

Ольховский дергает бровью, точно знает: любая растеряется под его бешеным напором.

— Илья Захарович, я не привыкла к такому бесцеремонному обращению, — открыто смотрю в его глаза. — Я в мужчинах ценю деликатную настойчивость, уважение к другим. Тактичность и отзывчивость. Человечность, — подчеркиваю последнее слово.

Он слушает меня до жути внимательно, испепеляя тяжелым задумчивым взглядом.

Не перебивает, но когда я замолкаю, кратко поправляет:

— Илья.

— Что именно? — пытаюсь уловить направление его мыслей.

— Обращайся ко мне Илья.

И подается вперед, так резко, что я даже не успеваю отпрянуть назад. Его ладонь накрывает мои пальцы, сильно сжимает. И кажется, так зловеще...

— Мы же с тобой пытаемся договориться. Настя, у меня будет всего одно условие. Не нужно афишировать наши встречи. Пока что.

Мне так неприятно от его колкого взгляда. Хочется стереть с себя это неосязаемое касание. Честное слово, как наждачкой прошелся.

— Вечером я смогу выделить часа полтора-два на встречу. Если тебе будет удобно остаться у меня, утром водитель отвезет тебя куда попросишь.

Сказать, что я обомлела, — это просто промолчать. Креативно он отношения завязывает.

— Илья Захарович, — тяну руку на себя, но вокруг запястья — клешня Ольховского. И правда, вцепился, как краб. Не пускает. Освободиться не удастся. — Вы, конечно, очень привлекательный мужчина. Серьезный. Высокопоставленный. И для кого-то это станет очень заманчивым и приоритетным. Но я от отношений жду другого, понимаете? Мне такой формат не подходит абсолютно.

— Откуда же ты знаешь, если еще никогда не пробовала?

— Я вам точно говорю. Отпустите, пожалуйста, мою руку.

— У тебя очень нежная кожа, — роняет он, словно и вовсе не слышал мою просьбу. — Как мне это нравится... Ты мне вообще нравишься. Вся... — тянет как змей. — Меня давно так не увлекала женщина.

Хрипотца в его голосе отрезвляет меня.

Это не необдуманное предложение. Он серьезен настолько, что мой отказ очень оскорбит Ольховского.

Страшно? Не то чтобы очень. Но неприятно — кошмар. Станным товарно-денежным отношениям никогда не суж-

дено вытеснить настоящие искренние чувства, притяжение и интерес друг к другу мужчины и женщины.

— Ваше предложение задевает меня, Илья Захарович. Это не для меня.

— Я понимаю, что звучит неожиданно и, возможно, цинично. Но я не могу позволить себе такую маленькую слабость, как наслаждение собственным временем. Оно мне не принадлежит. Поэтому я и предлагаю сразу расставить точки над «и» и оговорить условия, другого на данном этапе я дать не смогу. Зато предложу многое взамен. Тебе нужно лишь немного под меня подстроиться. По-женски мягко. Я уверен, у тебя получится.

Он вальяжно поднимается, обходит стол. И... о боже, останавливается за моей спиной!

Его ладони уже давят на мои плечи, слегка массируя, вызывая мурашки. Ольховский дышит тяжелее. Он поглаживает меня, его правая ладонь скользит ниже, обрисовывает ключицы поверх одежды. Затем медленно-медленно следует вверх, поглаживая горло.

Я сглатываю, желая отвернуться, но пальцы Ольховского больно впиваются в челюсть, заставляя не двигаться с места.

Вот теперь я ощущаю себя в западне.

Он наклоняется и втягивает воздух.

— Мне даже запах твоих волос нравится до безумия, — хрипит он чувственно. — Я ждал достаточно. Теперь это делать сложнее.

— Я не хочу! — резко и надрывно срывается с моих губ. Нервно. Сейчас горло судорогой сведет. Мне неприятно чувствовать на себе чужие руки.

— А я не спрашивал, хочешь ты или нет, — спокойное возражение звучит чудовищно. — Я спросил, как для тебя будет оптимальнее и предпочтительнее. И позволил тебе выдвинуть свои условия. Некоторые из них обещаю соблюсти. Выборочно. У нас же с тобой обоюдно.

Насмешка последних слов ломает меня. Дыхание мое дрожит. Я решительно поднимаюсь, но Ольховский вновь ловит мои плечи, заставляя сесть обратно. И снова легкий массаж, жесткое касание. Наверное, это должно помочь мне расслабиться, но... мэр прикасается пахом к моей шее, и я физически ощущаю крепкое мужское напряжение.

Боже...

— Илья Захарович, вы переходите всяческие границы! Мне все-таки удастся вырваться. И встать к нему лицом. Я благоразумно отодвигаюсь назад, хотя любое расстояние мне кажется недостаточным. Чувство безопасности оставляет меня, охватывает липкий мандраж.

— Настя, — улыбается одними губами мэр, глаза же его становятся еще холоднее, чем раньше. — Мы с тобой только обсуждаем ситуацию. А ты уже так напрягаешься. Давай сделаем вот как. Ты присаживайся. Доешь. До конца дня обдумаешь наш разговор. А вечером за тобой приедет водитель. Что скажешь?

— Я не голодна.

Глава 12

Не совсем я еще поняла, что мне делать с сегодняшним открытием, но пока отношусь как к очередной блажи человека, не привыкшего к отказам.

Да и вообще. Что значит — подстроиться? Что значит «я тебя не спрашиваю»?

Какой мутный и противный мужик. А от его касаний аж противная дрожь по телу. Брррррр!

Поскорее бы разделаться с этим проектом. Может, передать кому-то?

Ой, да куда я уже денусь?! Благо серия репортажей скоро подойдет к концу, а там хоть трава не расти, ты посмотри на него! Каков, а!

Отчего-то думается, что он не станет слишком сильно упорствовать. Конечно, проще найти женщину, которая с готовностью согласится на странное предложение. Тем более ведь ему огласка не нужна, а это точно не ко мне.

Я уже успеваю себя успокоить и отвлечься на домашние дела, как вдруг на всю комнату раздается оглушительная трель мобильного.

Незнакомый номер.

Напряжение на несколько мгновений сковывает меня, столько непрощенных мыслей проносится в голове.

Что я как девочка, в самом деле? Дурацкая ситуация!

Не он это! Просто совпадение!

— Алло!

Не рассеивающееся молчание провисает в трубке.

Оно угнетает еще больше. Мертвая тишина аж звенит в ушах, охватывая меня невидимыми щупальцами.

— Алло-о!

В голос мой проникает раздражение, разбавленное едва ощутимой дрожью.

Ну нет. Я точно слишком впечатлительная и напридумывала себе всякого. Это же просто неполадки на линии, а я уже вижу то, чего нет!

— Анастасия Борисовна.

Сердце падает в пятки от такого морозного официального обращения. Голос мужской, сложно сказать, принадлежит он Ольховскому или кому-то другому.

— Слушаю вас, — роняю тихо.

— Водитель у подъезда. Спускайтесь.

Звонок обрывается.

Я отнимаю телефон от лица и смотрю на него как на ядовитую змею.

То есть мне даже не предоставили возможности отказаться?

Рука сама тянется к выключателю. В комнате гаснет свет.

Я мелкими шагами опасливо подхожу к окну, осторожно отодвигаю шторы, стараюсь как можно незаметнее взглянуть

на дорогу.

И точно!

Черный седан у подъезда!

Да не простой. Отполирован так, что от блеска в глазах рябит.

Красивый, ухоженный. Представительный.

Отпускаю портьерную ткань и отворачиваюсь.

— Мяу.

Гляжу вниз немного испуганно. Лес улегся у меня в ногах. Гордый мой, самостоятельный. А все равно ластится. Словно чувствует, что мне поддержка нужна и одной сейчас очень тревожно.

Беру его на руки и медленно сажусь на диван. Готова побиться об заклад, что затравленно выгляжу.

Да это все бред какой-то!

Никуда я не пойду!

Через пятнадцать минут с опаской выглядываю вновь.

Машина на месте. Как стояла, так и стоит: переливается в свете уличных фонарей.

Телефон оживает, предупредительно чавкнув сердитой вибрацией.

Я тяжело сглатываю.

Незнакомый номер. Тот же самый или другой, откуда мне знать.

К телефону я не притрагиваюсь.

Даже не знаю, что сказать в ответ на такую странную,

нереальную в моей действительности ситуацию.

Пропускаю звонок намеренно, не понимая, для чего пускаться в ненужные объяснения.

Автомобиль не оставил свой пост ни через пять минут, ни через десять, ни через тридцать.

Дальше я уже перестала вести наблюдение. Заниматься своими делами я, правда, тоже перестала.

Наспех приняла душ и в полном смятении легла в постель. Обнимая кота, старалась даже не шевелиться.

Так бы и уснула, если бы не новый поздний звонок.

Подскакиваю на кровати, позабыв о прижавшемся ко мне Лесе. Недовольное громкое мурчание сопровождает резкое движение моей руки.

Номер тот же, с которого звонили первые оба раза.

Да что же это!

Со злостью принимаю вызов, готовая высказать незримо-му собеседнику все, что я думаю о его постыдных просьбах и условиях!

— Алло! Может, хватит атаковать мой телефон?!

— Анастасия Борисовна. Машина ожидает вас уже два часа. И не только она.

Это он?! Это Ольховский?

— Я же ясно дала понять, что меня подобные предложения не интересуют. Отзывайте водителя, человек уже устал сидеть на месте третий час.

— Очень жаль, что сегодня вы не отважились соста-

вить мне компанию и пренебрегли моим обществом. Как-то неожиданно досадно.

В его голосе звучит веселье? Да?!

— Илья Захарович. Мы скоро закончим работу над проектом, и у нас есть все шансы расстаться на дружеской ноте. Возможно, даже еще посотрудничаем в будущем. Так к чему сейчас это варварство?

— Машина ждет тебя до полуночи, — твердит собеседник, словно и не слышит меня. — Если передумашь, я буду чрезвычайно рад. Завтра в то же время на том же месте. С наилучшими пожеланиями, Анастасия Борисовна.

Оставляя меня в полной растерянности, Ольховский — а теперь я точно уверена, что это был он, — заканчивает наш бессмысленный разговор.

Голова касается подушки.

Я закрываю глаза, но сон все не идет. Волнение разыгралось не на шутку. Пальцы сами впиваются в корпус телефона, а я никак не могу убедить себя, что ничего страшного не произошло. И все это лишь досадное недоразумение.

На сердце камень ложится, что-то так тянет внутри, словно душа беду чувствует.

Утром Ольховский делает вид, что вчерашнего вечернего разговора и не было. Он спокоен, собран. Отстранен. На камеру не обращает никакого внимания.

Мы с командой уже знаем, к чему готовиться, поэтому настроение у ребят сегодня получше. Работа спорится, присутствие на официальных встречах и совещаниях вызывает интерес. Большую часть из этого нещадно вырежем, оставим что нужно.

Сегодня моя команда расходится раньше, чем вчера: на вечерние переговоры нас не позвали, а нам и приятнее.

Я неустанно слежу за тем, чтобы ненароком не остаться наедине с Ольховским, и это у меня получается великолепно.

Только одного я не учла, что возникнет ситуация, когда я и отказать-то окажусь не в праве...

Вот глупая.

— Анастасия Борисовна, — обращается ко мне парень из охраны мэра, и несколько голов поворачивается в его сторону. — Илья Захарович хотел у вас уточнить что-то, — парнишка кивает себе за спину. На... машину. — Вы не могли бы уделить минутку.

Не вопрос. Не просьба. А отказать как? На глазах у всех взбрыкнуть и сказать, что негоже это барину в машине ждать? Пусть сам ко мне топает и спрашивает при всех?

Вот влиплаааа...

Ладно.

Иду...

Это он специально так все подстроил? Мол, говорил же, что все равно в машину сядешь?

Парень распахивает дверь и подает руку.

Я благодарю его за галантность, но до ладони не дотрагиваюсь.

Прежде чем сесть в салон, чиркаю быстрым взглядом по мужчине в темно-сером костюме. И вынужденно подаюсь к нему.

Сию напряженная, спина ровная, словно мне швабру к спине привязали. Как в детстве.

Водителя нет.

Здесь только я и Ольховский.

— Ну, здравствуй, Настенька, — он произносит мое имя так сладко, по-доброму. И улыбается даже. И снова одними губами. Лицо будто из мрамора высечено. Эмоций — ноль! Даже несмотря на то, что губы растянуты с деланной радости. — А говорила, в машину мою не сядешь. Обманывала, кажется. Себя.

— Вы хотели что-то уточнить?

— Разумеется.

Корпусом разворачивается ко мне, сверлит тяжелым взглядом.

Сейчас вот-вот набросится, как зверь. А такой точно не пощадит. На куски разорвет, даже не задумываясь.

И молчит. Специально нагнетает.

— Вчера ты занята очень была. Это я понял уже, — дает он попытку мне оправдаться. Сам предположения выстраивает. Мне же только кивнуть останется. Согласиться. Но я никак его слова не подтверждаю. — Когда свободна будешь?

Это он так мне навстречу идет? Оригинально, дааа...

— А я вообще не свободна, Илья Захарович.

Подчеркиваю обращение к нему. Никаких фамильярностей!

Ну и что, что привираю! Мне сейчас это на руку!

Ольховский лишь ухмыляется.

— Это не слишком приятные новости, но мы все порешаем, — скалится. — Кстати. А почему с мужем-то разошлись?

— Я не готова обсуждать такие интимные вопросы.

— Хм... А я был бы не против. Ты только помни, я не люблю, когда мое трогают. Договорились?

— Я на ваше и не претендую, — увиливаю намеренно, изворачиваясь.

— А на тебя могу претендовать только я.

На мое колено жестко опускается широкая ладонь. Пальцы крепко впиваются в джинсы.

Я мгновенно реагирую, хватая мужчину за запястье, стараясь оторвать от себя его конечность.

— Илья Захарович! Очнитесь!!! Я же вам сказала, что у меня есть мужчина! А ваши предложение и обращение просто унизительны для женщины!

Я надеюсь, что кто-то увидит нашу борьбу, слишком поздно соображая: глухая тонировка. Она не позволит рассмотреть, что происходит в машине. Уж тем более с расстояния нескольких шагов.

Ольховский налегает на меня, размеренно проходясь

пальцами по бедрам. Такого омерзения и страха я не чувствовала, пожалуй, никогда. В какой-то момент ему надоедает наша борьба, и он просто ловит мои запястья, пока я стараюсь отдышаться.

То, что происходит дальше, просто заставляет меня опешить.

Секунда. Две. Три.

Ольховский вынимает из кармана задней части переднего сиденья веревку.

ВЕРЕВКУ!!!

ОБВЯЗЫВАЕТ МОИ РУКИ!

При этом у него такое довольное выражение лица, как у объевшегося льва!

Сколько ни вырываюсь — без толку!

— Вы сумасшедший?! Что вы делаете?!

Неразумность вопросов зашкаливает. Я просто не понимаю, как реагировать. Ошалело рассматриваю узел. И как ЭТО теперь развязывать?!

Мэр откидывается на спинку кресла, с нежностью смотрит на мои плененные запястья. В его зрачках плещется что-то нечеловеческое. Темное, словно от самого дьявола.

— Мне кажется, в тебе столько энергии и страсти... Тебе понравится.

Он противно шевелит губами, и вся его приятная внешность в один момент становится для меня тошнотворной. Широкие брови и волевой подбородок, острые скулы и иде-

ально прямой нос.

— Что понравится?! Вот это?! Лишение воли? Отсутствие выбора?! Принуждение? Я не буду спускаться к вам! Я не стану приезжать к вам! Да вы... сумасшедший?! У меня есть мужчина! Меня есть кому защитить! Снимите это немедленно!

— Этот узел просто так не развязать.

— Так возьмите что-то острое и разрежьте!!!

— Если я возьму что-то острое, поверь, тебя это шокирует еще больше. Но я согласен немного подождать, пока ты ко мне привыкнешь, мои интересы, возможно, покажутся тебе необычными, но точно понравятся. И ты, пожалуйста, с этим своим мужчиной реши как-то сама, договорились? Тем более что у тебя никого нет. Мне многое о тебе известно, — удивляет он в очередной раз. — Обман я не люблю, но как факт потрясения могу принять. Знаю, что шокировал тебя. Извини, — просит он прощения, хотя я вижу, что ему совсем не жаль. Он забавляется, как со зверюшкой.

Ольховский наконец-то равнодушно отодвигается.

— Иди, — бросает в пустоту. Нагло. Цинично. Бесцеремонно.

— Да как я пойду?! — размахиваю в воздухе запястьями.
— Выйду из машины связанной?

— Я могу развязать... — лукаво бросает он, растягивая слова.

— Так развязывайте!

— Хм. Ну... смотри... Ты сама попросила.

Двух секунд не проходит, как узел ослабляется, и веревка перестает врезаться в кожу.

Как только руки мои становятся свободными, Ольховский хватает меня за волосы, стягивая на затылке, словно жгутом, заставляя морщиться от боли, пусть и не резкой и невыносимой, но вполне ощутимой.

А когда его тело накрывает мое, твердые губы упрямо касаются рта, а влажный язык проводит четкую линию по моим зубам, меня и правда начинает тошнить.

Глава 13

Воздух в легких заканчивается, его вытесняет резкий терпкий древесный аромат мужского парфюма.

Мне удастся отвернуться и податься в сторону, дотянуться до ручки двери. Я жадно глотаю живительный кислород, между лопаток скользит капелька пота.

Ольховский меня не держит, позволяет выбраться из машины, а я как ненормальная бегу от него подальше! К ребятам. Туда, где безопасно, и мы не останемся с этим сумасшедшим наедине.

Пальцами я стираю с губ следы гадкого поцелуя и прикладываю ладонь к груди, стараясь усмирить колотящееся сердце.

Эмоции не стихают, даже когда машина Ольховского удаляется на приличное расстояние. Даже когда мы с ребятами прощаемся до завтра, я не перестаю оборачиваться и озираться по сторонам. Даже когда дверь собственной квартиры закрывается за спиной, я не чувствую себя в безопасности.

Лес дрыхнет на лежанке, просыпается лишь затем, чтобы одним глазом взглянуть на хозяйку и перевернуться на спину.

На запястьях до сих пор жжется след от веревки. Да что уж там. Меня и сейчас нехило потряхивает.

Первым делом я направляюсь в душ, смывая с себя следы сегодняшнего дня. Потом разогреваю ужин.

Кусок в горло не лезет, но я заставляю себя поклевать хоть немного.

Запоздало вспоминаю о Лесе, только когда кот с укоризной взглянул на меня, показательно усевшись возле миски.

— Конечно, мой хороший. Сейчас.

Насыпаю корм и все еще отойти не могу.

Каждого сообщения опасаясь. Каждого уведомления.

Но как ни странно, телефон молчит, усиливая и без того гнетущую тревогу.

Завтра мы с мэром ничего не снимаем. Новая встреча состоится лишь через несколько дней.

И я всерьез подумываю отказаться от присутствия на съемках, хотя это обязательный пункт договора. Нарушать нельзя. И сейчас мне это кажется еще более странным, чем в самом начале. Но ясным.

Он не поверил, что у меня кто-то есть?

Тогда надо его убедить! А если дать ему понять наглядно, что я не одинока? Он сам говорил, давно за мной наблюдает.

Вот это ужас! Страх какой!

Наблюдает! Он!

Может, потому и выбрали мою команду?

На душе становится еще тяжелее.

И что? Как его убедить, что я не одна? Это ведь сможет мне помочь, верно? если он узнает, что я не одинокая ба-

рышня, он точно побоится огласки или не станет меня преследовать!

«Преследовать». Какое отвратительное и неадекватное слово.

Я вздрагиваю, когда на всю квартиру раздается настойчивая трель дверного звонка. Даже домофон миновали.

Когда я вновь вижу курьера с букетом цветов, мне становится дурно. Я борюсь с порывом схватить телефон и позвонить Ольховскому с требованием сейчас же оставить меня в покое. Но, конечно, я этого не сделаю.

Оставляю приезд курьера без внимания и ухожу на кухню. Знобит. Прямо трясет.

Успокоиться удастся лишь через час.

Когда в дверь раздается повторный звонок, я совсем не ожидаю увидеть на пороге соседку.

— Настенька! — вещает она, словно дает отчет. — Тебя дома не было, а приезжал курьер! Там такую красоту привезли! Сейчас принесу!

Внутри меня все обрывается.

Через минуту старушка впихивает мне в руки огромный нежный букет. Увесистый.

Зинаида Михайловна гордится собой за бдительность и задирает выше нос.

— Ой, какая же прелесть! У тебя новый ухажер! Правильно-правильно! А остальные-то букеты какие роскошные! Как приятно, когда мужчины дарят цветы! Вот я в твои

годы...

— Спасибо, Зинаида Михайловна! Вы меня очень выручили! Спасибо!

Выпроваживаю соседку, объясняя, что мне завтра рано вставать, и я уже легла. Состояние не то, чтобы еще и ее развлекать.

Грустно вздыхаю, подмечаю карточку.

Надо же.

Белая картонка обжигает пальцы.

«Тебя испугал мой напор? Мне жаль. Рядом с тобой сложно сдерживать себя, моя строптивая. Доброй ночи. Илья».

Током бьет.

Поскорее выбрасываю карточку в мусорку, размышляя, что сделать с букетом.

Дома не оставлю. Он же как-то узнал, что предыдущие в подъезде остались, значит, если я эти цветочки себе заберу, то Ольховский точно решит, что это зеленый свет.

Нет уж. Сразу на помойку.

И не поленюсь вынести.

Пока я одеваюсь, вприпрыжку подскакивает Лес. Медленно обнюхивает цветущую растительность, а затем, недовольно муркнув, величественно отворачивается.

Что примечательно, букет Дениса этот паршивец занюхал до отказа! И терся об него, и листочки покусывал, и даже спал рядом на тумбочке. Что за траву туда добавили — непо-

нятно.

— Жди, Лесеныш. Я скоро вернусь. Только веник этот на мусорку отнесу.

На улице свежо, букет оставляю рядом с помойкой.

Пока добредаю до подъезда, в голову приходит шальная мысль.

«Ой, Настька, — как говорит мама, — вот вечно ты выдумашь что-то, хоть стой, хоть падай».

Нет, ну а что?

Денису-то все равно. Он даже не заметит!

Да и никак ему моя хитрость не навредит! Если он мне цветы дарит и зовет в ресторан отметить развод, значит, точно ничего серьезного в его жизни нет, чему бы я могла холодным расчетом помешать!

А Ольховскому станет ясно, что я не вру, и у меня бурная личная жизнь!

Так что пусть переключает свое навязчивое внимание на кого-то другого!

Итак... Домой поднимаюсь решительно. И включаю компьютер.

ДЕНИС

День какой-то дурацкий.

Все из рук валится. Столько планов на сегодня было — не счесть! Голова как чугунная. Все делаю на автомате.

Домой после работы приехал уже в одиннадцатом часу. А

все из-за того, что полдня не мог собраться. Уже проглотил три таблетки от головной боли — один черт, ничего не помогает. Идеи тоже так и остались всего лишь идеями, криво набросанными от балды. Хотя сегодня я по плану должен был расписать сразу две концепции новых телепередач.

Ой, ладно, что-то сегодня я сам не свой, может, оттого, что режим сбился из-за удаленности съемок? Сейчас упаду на кровать и даже без ужина потеряю сознание до утра.

Из последних сил принимаю душ и плетусь в кровать.

Уже почти проваливаюсь в сон, когда на телефон начинают приходить уведомления. Одним глазом гляжу на экран, что-то в соцсетях. Какие-то сообщения. Или комментарии. И сыплются одно за другим. Ничего не знаю, отключаю звук и позволяю себе просто выспаться: завтра опять вставать в несусветную рань.

Зеваю и обнимаю подушку...

Бах! Резкий грохот и пронзительная мелодия заставляют нехотя поморщиться и вздохнуть.

Ну, неет. Уже утро. Наступило как-то неожиданно быстро. Тянусь рукой к свалившемуся с тумбы телефону, выключаю будильник.

Сонным глазом подмечаю больше ста новых уведомлений в сети.

Ничего не понял. Включаю звук, снова откладываю мобильный и заставляю себя встать. Если позволю себе еще хоть одну минуту подремать, рискую проспять половину ра-

бочего дня.

Шлепаю на кухню, включаю кофемашину, жду, когда кружка наполнится ароматным бодрящим напитком. Забираю кофе с собой в ванную. Настенка вечно шутила над этой моей привычкой: люблю потягивать кофе в душе. Бывшая мне еще и трубочку приносила.

Включаю ритмичную музыку. Пока я принимал душ, Настена раньше перед зеркалом в ванной привычно протирала лицо тысячей намазок. Там же столько стадий ухода за кожей перед нанесением макияжа, что прям куда деваться!

Порядком взбодрившись, уже энергично топаю в кухню.

Готовлю яичницу. Единственный продукт, который я идеально приготовлю всегда, везде и практически в любом состоянии — это яйца.

Подбрасываю в сковородку болгарский перец, помидоры, зеленый лучок и втягиваю теплый воздух. Кайф! Накрываю крышкой.

Ммм... Три минуты, и самый лучший в мире завтрак готов!

Телефон снова оживает, пищит уведомлениями.

Что ж они такие настырные?

Проваливаюсь к себе на страницу, бегло проглядываю первые шесть комментариев от подписчиков, после чего неосознанно замедляюсь. Просмотр становится все более вдумчивым.

Я пытаюсь переварить.

«Наконец-то вы снова вместе! Самая лучшая пара!!!»

И целая клумба цветов вдогонку.

«Как я надеялась, что вы вновь сойдетесь! Красавчики!»

«Уррра!!! Помирились:)»

«Поздравляю с примирением!»

«Дэн, Настя! Люблю вас! Вы лучшие!»

Я сейчас не понял. Это про что вообще?

Тут еще штук семьдесят подобных... Причем под моей аваткой.

С ума, что ли, сошли?

И это при том, что у меня закрытый от посторонних профиль.

Ничего что-то я не понял.

Да с какого... они взяли?!

Хмурюсь, измеряя шагами гостиную.

Так. А при чем тут Настя вообще?

Может, она где-то черкнула, что у нас годовщина, а никто и не понял, что речь о разводе?

Но вряд ли.

Больно ей нужно где-то об этом упоминать.

И что тогда? Псевдостатья?

Недоумевая, шагаю на страничку бывшей.

Кажется, даже в лице меняюсь.

И от удивления чуть многострадальный телефон из рук не роняю.

На самом верху красуется последняя публикация.

Моя рожа в профиль. Точнее, я счастливую улыбающуюся Настю целую в щеку, а она ловит кадр. А я еще и крепко к себе жену прижимаю, просто этого не видно. Я от нее балдел, как кот от валерьянки. Точно помню и тот день, и это фото.

Вот только что оно у нее на страничке висит...

Разглядываю нас долго, аж в груди что-то всколыхнулось.

Это она так намекает, что не против увидеться?

Да я недавно ей предлагал встретиться! Ну, ок, повод был не самый веселый. Для меня во всяком случае. Но все же!

Любопытство толкает меня уточнить время публикации: вчерашний вечер. Хм. Странно.

Что к чему...

Листаю ленту дальше. «Любимая работа». «Мы снимаем». «Снова съемки». День рождения коллеги. Корпоратив. «Долгожданный выходной». И тому подобная муть. Ни одного намека на нового мужика у нее.

Хотя... Зачем я себя обманываю. Ничего тут особенно и не изменилось. Я же недавно совсем листал. Все на месте. Кроме наших старых совместных фото.

А тут сюрприз такой...

У нее комментарии еще больше, чем у меня! И все поздравляют, радуются и шутят.

Гляжу на время. Точно уже не спит. Ну а если и спит — не мои проблемы! Ничего себе! Взбаламутила всех! И меня в первую очередь!

Так! А ну-ка!

Прикладываю трубку к уху, подхожу к окну.

Гудки. Гудки. Гудки.

— Алло, — раздается мелодичный голос.

— Вот она. Моя звездочка. Расскажи-ка мне, и на каком основании мой эталонный портрет красуется не на своем месте?

— Доброе утро, Денис.

— А ты от ответа не увиливай. Я слушаю.

— Я и сама немного не ожидала. Промазала. Думала, ты даже не узнаешь.

— А-а! Не узнаю? Конечно! У меня тут уже сотка комментариев накапала, а я еще не понял, в чем дело. Это ты так соглашается на мое предложение поужинать, или я уже опоздал?

— Это... Просто шутка?... — осторожно предполагает она.

— Ты позволяешь выбрать тот вариант, который мне понравится больше всех?

— Что-то вроде того, — соглашается она и наигранно смеется.

— Так. Я задал вопрос, — мой голос становится серьезным. — Что это такое?

— Да я случайно. Как-то... получилось так. Не заметила вовремя. Извини. Я удалю! Ты не расстраивайся, ладно?

— А как так могло «случайно» выйти? Пересматривала наши фотки и нечаянно опубликовала одну из них?

— Криворукая, ты же знаешь.

— Ааа... Вот оно что. А что ж год твердила об обратном?
Настена тяжело вздыхает.

— Я все подчищу, — обещает вновь. — Попозже. Пока некогда.

Интересное кино. Я веду носом, потому как комнату наполняет отвратительный запах гари. Что за черт?

И тут меня осеняет.

Несусь к плите, несколькими прыжками пересекая небольшое расстояние.

— Твою мать! — не сдерживаюсь. — Ё...

— Что там у тебя? — обеспокоенно роняет Настя.

— Из-за тебя я остался голодным! — рычу в трубку.

— Да не переживай ты так, — с деланным сочувствием успокаивает меня Настена. — Другую себе найдешь.

— Кого другую?! Яичницу?! — злюсь, не сдерживаясь.

Не просто так она этот финт выбросила. Мужика какого-то подразнить хочет! За мой счет!

Как бы не так! Обойдется!

Зараза, а!

Взбудоражила! Использовала! И наутек!

Еще и завтрак мне испоганила!

Прибыю!

— Ну ладно тебе. Пожаришь новую.

— Вот возьми и приготовь теперь мне! — хмурюсь грозно, осматривая подгоревшее дно. Фу! Только в мусорку те-

перь.

— А ты не обнаглел, а, товарищ Багров?!

— Не больше вас! Гражданка Багрова!

— Что ты на меня все вечно сваливаешь?! Как всегда!

— Потому что ты для какого-то оленя это фото выложила!

И знаешь что?

— Что? — настораживается.

— К плите, хорошая моя! — я злой как черт! И пусть только попробует свалить из дома! — У тебя двадцать минут! И имей в виду, что я ооочень голодный!

Глава 14

АНАСТАСИЯ

В квартиру он врывается почти как вихрь. На лице насмешливое, но жесткое выражение. Скулы его стали еще четче и острее, чем раньше.

Скидывает ботинки. Хоть кто-то может мне объяснить, как ему удастся любой совершенно обыденный жест превратить в брутальный гипноз?

Я складываю руки на груди, мысленно защищаясь от этой влекущей картины, и опускаю взгляд ниже.

— Привет, солнышко, — раздается бархатный голос. Кроме сарказма в нем таится что-то еще: глубокое, туманное, пронзительное.

Его пальцы разжимаются, два увесистых белых пакета плавно опускаются на пол.

Продукты. Денис не может позволить себе ворваться в мой дом и уничтожить съестные припасы. Нееет. Он сначала наполнит до отказа мой холодильник, а уж потом истребует завтрак.

Бывший, разувшись, уверенно шагает ко мне, нагибается и с загадочным выражением лица вытаскивает из пакета два горшочка листьев. Между прочим, мой любимый салат.

Дэн торжественно преподносит зелень: склонив голову,

важно протягивает мне дар, словно рыцарь — цветок.

— Спасибо, — роняю кисло. — Но четное количество не дарят.

— Пойдем вместе количество листочков пересчитаем, если для тебя это так важно.

Я почти фыркаю в ответ.

— Дээээн, — тяну, закатывая глаза. Но салат принимаю. Пакеты тут же оказываются на кухне.

— Ну?

— Что ну?

— Я жду объяснений.

Тут в кухню на всех порах забегает серое меховое пятнышко и, часто перебирая лапками, бросается в ноги хозяину. Вообще-то бывшему, но для Лесеныша это никакого значения не имеет. Кот ластится и громко мурлычет, потираясь мордой о пальцы Дэна.

— Ты мой хороший! — обрадованно восклицает Денис. Тут же берет пушистика на руки. Поглаживает неспешно, любя. Помню-помню, как он Леса хотел себе забрать. Еще один фырк ему за это! — Сознаться, кого хозяйка к себе домой водит?

Денис сразу привычно уворачивается от шлепка, так и не отхватив от меня по плечу.

— Еще и дерется. Как ты с ней, Лесенок, живешь! Айда ко мне! — и уже мне в сторону: — Вот он у тебя вымахал. Ты его зельем роста, что ли, кормишь?

Я придерживаю ответ. Это ж надо было так тонко намекнуть, что я ведьма!

— Угадал, — сладко соглашаюсь я, приправляя ответ приторной улыбкой. — Сейчас и ты отведаешь.

— Это ты для своих недорослей оставь. А мне яишенку быстренько сваргань.

— Лес, с чего этот барин решил, что может у нас в гостях командовать, не знаешь?

Лесенок меня и не слышит, трется о шею Дэна, радуется хозяину.

— Смотри, как он по мне соскучился, — восторгается Дэн, тиская МОЕГО котика!

— Ему и без тебя нормально, не переживай! — огрызаюсь.

— Да кто бы сомневался, — смеется Дэн. — А теперь давай-ка рассказывай, что за история с фото? Мне может и навредить.

Лучше бы он этого не говорил, потому что... тут меня кааааак понесло!

— Ты знаешь что? Забирай-ка свои пакетики! И чеши на все четыре стороны! Туда, где не навредит никто!

— Смотри-смотри, Лес. Видишь, как раскраснелась? Это она так злится.

— Какой к нам заявился барин неосведомленный.

— В чем же?

— А в том, что о человеке говорить в третьем лице, когда

он находится рядом, некультурно!

— Да откуда ж мне, деревенщине, об этом знать, — издевается бывший. И как его выпроводить? Силой точно не удастся. Вон, какой шкаф стал: плечи широченные, руки сильные, шея спортивная.

— Я получаю физическое удовольствие, когда ты меня так разглядываешь, — скалится еще! Оболтус!

— Отпусти кота и иди завтракать в другом месте.

Глазами указываю гостю на дверь.

— Пффф. Разбежался. Из-за тебя моя яичница сгорела. Вот и закрывай теперь дыры.

— Размечтался. Сам виноват!

— Пойдем, говорю!

И тащит же меня к плите. Орангутан!

Смотрю, вроде и злость его поутихла немного, а то по телефону недавно он готов был меня растерзать!

Дэн, отпустив кота, распаковывает пакеты, и я обнаруживаю много моих любимых вкусов: пирожные, фрукты, ягоды, колбаса в специях, яйца, икра, даже масло. Еще много всего, но что меня больше всего впечатлило: мои обожаемые сырные галеты! Аж слюнки текут!

И Дэн помнит. Не забыл. Пожалуй, я готова спрятать ножи в ножны.

— Что это ты прискакал? — уточняю с подозрением, вынимая яйца из лотка.

— Утро выдалось фееричным, — морщится он.

— Извини, я и не думала, что ты заметишь.

— Ты вообще, видимо, не подумала. А если бы у меня кто-то был? Хочешь в гроб меня загнать раньше срока?

— А что? До сих пор нет никого разве? — я только диву даюсь.

— Нет. Это тебя и спасло. Мне болтунью с овощами, — вконец решил обнаглеть он. — Перец, помидоры. И укроп!

— С тебя все помыть тогда, — цежу сквозь зубы.

— Не вопрос. Мне двойную порцию. Я на работу заберу.

— Что?! — вытаращиваюсь. — Ты в кафе поесть не в состоянии?

— Тебе какая разница? — рычит Дэн, развернувшись вполоборота. — Ты весь день у плиты стоишь? Закинь сразу ингредиентов побольше, да и все!

— Ой, нечего так глазами сверкать! Закину!

Я все еще ощущаю чувство вины за свой глупый поступок. Даже не подумала о последствиях.

С чего решила, что он и не узнает — непонятно.

Спустя минут пятнадцать на всю кухню начинает распространяться божественный аромат.

— Ой! — вскидываюсь.

— Ты чего?

Я посолить забыла! Дэн любит, когда буквально пара щепоток. В этот момент начинает трезвонить мой телефон. Незнакомый номер на экране выглядит так угрожающе, что я вжимаю голову в плечи, дыхание сбивается. Пытаюсь рас-

слабиться.

— Алло, — решительно выдыхаю в трубку, тянусь к солонке. Заношу над сковородкой.

— Даже не думай об этом, — доносится из динамиков властный голос, а соль бесконтрольно летит на содержимое сковородки. — Он должен уехать через пять минут. Максимум десять. Время пошло.

Глава 15

АНАСТАСИЯ

Звонок обрывается. Как и мое сердце.

Я с опозданием медленно-медленно переворачиваю солонку отверстиями вверх.

В ужасе отнимаю трубку от лица.

В эту же секунду мою кисть грубо перехватывает Денис и выдергивает стеклянную баночку.

— Ну Настя! Ну зачем?!

Дэн раздраженно отставляет солонку в сторону и гневно прокатывает ее по столешнице.

Пытаясь устранить причиненный вред, Денис ложкой начинает торопливо зачерпывать и отбрасывать в раковину излишки соли и ту часть яичницы, куда упало ее слишком много. Хотя, наверное, это наш завтрак уже не спасет.

Я даже объяснить не могу, какие чувства обуревают меня.

Он следит даже сейчас? Я ничего подозрительного не замечала. Как узнал? Все это похоже на неудачную шутку.

Денис продолжает сокрушаться. Сбоку раздаются его колкие замечания:

— Тебе обязательно доказывать свою правоту именно так? По-человечески совсем нельзя?

Вздыхает тяжело, сокрушенно тянется ложкой в центр ско-

вородки.

Я достаю чистый прибор и молчаливо начинаю помогать Денису. В итоге половина яичницы оказывается в мусорке.

Бывший косится на меня с негодованием. Вижу, его распирает от досады, но он сдерживается.

— Половину выбросили. Вторая — съедобная. Через две минуты будет готово. Приятного аппетита, — роняю я и направляюсь в спальню. Прикрываю за собой дверь и замираю у окна.

Это точно не шутка?

Складываю руки на груди.

Напряжение сковывает движения. Мысли сбиваются от разных предположений. Даже по коже издевательски ползет лютый морозец.

К чему это может привести? Он же не заставит меня! Но... все это... настолько зловеще, что я просто не понимаю, как такое возможно? В другой ситуации я бы позвонила ему сама в попытке объясниться, но сейчас вижу, что это не сработает. И вообще ничего не сработает. Через несколько дней у нас еще одна съемка. Страшно представить, чего ожидать от неприятной встречи...

Холодок стягивает горло, мне настолько некомфортно — хочется куда-то уехать, умчаться, скрыться за горизонтом, чтобы Ольховский и думать обо мне забыл!

Тихий шорох сбивает с мысли.

— Настя, — Дэн говорит осторожно, растянуто. — Ты че-

го спряталась?

— Денис, езжай на работу, — прошу растерянно, сама не узнаю свой голос. — Я тебе туда завтрак закажу. Вместо испорченного.

Молчание за спиной раскаляет атмосферу еще сильнее.

Крепкие руки обнимают меня за талию, Денис привлекает к себе. Над ухом дрожит его тяжелое дыхание.

— Считаешь, сам я заказ оформить не в состоянии? — звучит надтреснуто. Последующее долгое молчание привязывает нас друг к другу сильнее. Наконец, он продолжает: — Я хотел, чтобы ты, ты для меня приготовила!

— Денис, уходи.

И про себя отсчитываю секунды. Десять минут ведь еще не истекли?

— Настен...

Он склоняет голову и обжигает губами мою шею. Как током ударил. Сердце подпрыгивает в груди и пускается вскачь, отогреваясь. Бьется у самого горла.

— Денис, уходи! — прошу надрывно, а сама хватаю его запястья, беззвучно умоляя остаться. Опускаю веки, меня от его близости бросает то в жар, то в холод. И всеми фибрами души я цепляюсь за эти неуместные объятия.

— Всегда гнать будешь? — пронзительный шепот слетает с его губ. — Мне без тебя плохо. Ты это услышать хочешь?

— А мне с тобой.

— А я не могу смотреть, как вокруг тебя кобели выются,

вываются. И это не про недоверие к тебе!

Он резко разворачивает к себе лицом. Наступает на меня уверенно, толкает на кровать.

Мы вместе летим на покрывало и уже оба тонем в поцелуе. Сумасшедшем, глубококом.

Денис настоящий собственник. Он любит до дна, но жадно. Касается нежно, но собственнически. Его ревность отравляющая, жгучая, вспыхивающая. Охватывает мгновенно, как пламенем, и сжигает так же — дотла. Обоих. Багров бесконечно хороший муж, страстный любовник и отзывчивый друг. Бережный и заботливый. Но эта дикая неуправляемая ревность в мгновение превращает его в самого дьявола. Когда-то мне казалось, что это временно. Что пройдет потом. Он станет больше мне доверять, станет спокойнее. Мы научимся лучше друга друга понимать. Но я ошиблась — становилось только хуже. И вроде еще ради чего-то терпишь, ждешь и надеешься. Но когда я поняла, что и сама уже не доверяю ему, пару раз подметив в его телефоне странные СМС, я сказала, что больше так не выдержу. Эти удушающие тиски мешают мне жить и быть с любимым.

Больно было. Да и сейчас иногда внутри натягивается эта чувствительная струнка и так тянет... аж до слез. И сколько угодно можно делать вид, что я перешагнула и мне все равно. Любила сильно. И люблю до сих пор.

Но с ним жизни нет. Чтобы это понять и принять, мне понадобился год семейной жизни. И еще немного — до. Он

говорит, что вокруг меня всегда мужиков много, зато вокруг него — неизменно цветник самых прекрасных женщин.

Расходились мы тяжело и болезненно. Я старалась пресечь любые попытки к примирению, а Денис затягивал процесс как мог. В ход шли любые ухищрения. Со временем показалось, что становится легче. Но это лишь самообман.

Теперь растворяюсь в нем, тону в его запахе, с ума схожу от настойчивого тихого ласкового шепота на ушко. Готовая за любимым хоть в пропасть, только бы он не останавливался.

Сильные пальцы ласкают бедра, твердые губы скользят вдоль ключиц. Кончик языка рисует невидимые узоры, и я задыхаюсь... задыхаюсь с ним.

Тяжесть его тела такая желанная, долгожданная. Я крепко обхватываю ногами его талию, подставляю себя под тяжелые пламенные поцелуи. Срываю тонкую резинку с отросших волос, зарываюсь пальцами. Сжимаю, к себе тяну. Ближе... Еще ближе хочется.

ДЕНИС

Безумие между нами разгорается все сильнее, и я уже себя не контролирую. Ее частое дыхание оглушает, она не отпускает меня. Сетями опутала, к себе веревками привязала — год выпутаться не могу. Не избавиться от ее запаха, ввевшегося в подкорку, от тембра голоса и от вкуса сладкого, кожа — шелк, губы — бархат. Держит и держит меня. Сама ушла,

но не отпускает. Все остальные в сравнении с ней меркнут. Ну, точно ведьма! Моя. Любимая.

Веду по животу, пальцы съезжают ниже, она подо мной задыхается. Мне бы каждой минутой насладиться, каждой секундой с ней. Но нет сил сдерживаться. Впиваюсь в губы, терзаю долго, голодно, прикусываю нечаянно так, что она, взбрыкнув, резко отворачивается, но меня не отпускает.

— Прости, — шепчу, оглушенный желанием. Мой телефон в стороне звонит. Гори оно все синим пламенем. Опоздаю — черт с ним! Я с Настей сейчас.

Как дикое животное, языком веду по ее шее, щеке, слизывая ее вкус, целую крохотное пятнышко крови на нижней губе.

Она задирает мою футболку, с меня стягивает. Настя уже и так без одежды. Даже не понял, в какой момент я все сорвал с нее. Наши разгоряченные тела сплетаются. Она так тяжело дышит... Хватает воздух часто-часто. Настя почти никогда не стонет, лишь ближе к пику может не сдержаться, но дышит так, что в ушах закладывает.

Моя рука тянется к ремню, торопливо справляется с пряжкой. Настя призывно выгибается, мгновение...

Она такая тугая, что звезды перед глазами взрываются, локтем упираюсь в матрас, целую ее куда достать смогу.

— Позови меня, — умоляю ее сбивчиво. Каждый толчок глубже предыдущего.

— Дэн, — срывается с ее губ коротко, послушно.

— Е-ще! — команду прерывисто.

— Дэн...

Выгибается подо мной. Голову назад откидывает. Веки прикрыла. Губы облизывает. Рот ее слегка кривится.

— Еще!

— Дэн, — шепот ее дрожит.

— Еще!

— Дэн, Дэн, Дэн...

Одержимость друг другом смывается буйной радостью и нашим общим безумием. Я проглатываю ее тихий стон, когда она замирает на мгновение в моих руках, накрываю бархат мягких губ своим ртом, стону ей в ответ громко и несдержанно. Нежная волна уже сходит на нет, разливая теплую негу. Ни дышать не хочу, ни двигаться. Только бы держать ее всегда в объятиях. И чтобы мое имя вот так призывно и надрывно дрожало на губах ее.

Как же я ее люблю. Одну ее. Одну только женщину.

Глава 16

АНАСТАСИЯ

— Что за вонь? — с подозрением принюхивается Денис, отпуская губами мочку моего уха. Привстает на локте.

Мне в нос вдруг тоже бьет резкий прогорклый запах. До того противный, аж морщусь.

— Фу, — зажимаю нос показательно и... — я, кажется, знаю, что это...

— Моя яичница сгорела, — с грустью отзывается бывший и тут же падает на кровать, раскидывая руки в стороны. — Не судьба мне сегодня нормально позавтракать.

Я вздыхаю. Так не хочется шевелиться. Нега расплзается по телу.

— Пойду выключу плиту, — лениво произношу в никуда. Дэн поворачивает голову ко мне:

— Лежи, я сам.

Ловит пальцами мой подбородок и приникает к губам. Целует размеренно, неторопливо, растягивая наслаждение.

Смотрю ему в спину. Губы растягиваются в неудержимой счастливой улыбке.

Вот это меня угораздило.

Я усмехаюсь в кулак: ну надо же так, а.

Когда оказываюсь на кухне, подпоясывая любимый хала-

тик, ловлю печальное замечание Дэна, разглядывающего содержимое сковородки:

— Вообще все сгорело.

Мне даже его немного жаль, хочется приласкать, как голодного щеночка.

— Не волнуйся. Сейчас придумаем что-нибудь.

Ободряюще улыбаюсь и лезу в холодильник.

— Да в баню. Пойдем нормально позавтракаем в кафе. И на работу.

— Я уже почти опоздала.

— Аналогично, — отзывается гость и хитро мне подмигивает. — Но зато я уже не чувствую себя таким голодным.

— Денис! Перестань! — смеюсь, отмахиваюсь от его пронзительных слов.

На время все невзгоды отходят на второй план, и ни о чем не хочется думать. Ни о том, что я действительно не приеду на работу вовремя, ни о том, что теперь еще и вечером придется задержаться, чтобы закончить все, что я не успею за день, ни о том, что сестренка придет с ночевкой, ни о том, что Ольховский за мной пристально наблюдает... Будь он неладен!

Мысли об этом странном неадекватном мужчине охлаждают мой пыл.

— Собирайся. Только желательно поскорее, — Дэн недовольно чиркает взглядом по запястью: — Времени в обрез. А вечером что делаешь?

— Занята.

— Настен, что у тебя там за мужик? — он пытается сдерживать раздражение.

— С чего вдруг такой интерес?

— Я серьезно.

— Я тоже. Ты так неожиданно приехал. Да и вообще...

— Не увиливай. Рассказывай, что за олух.

— Сбавь тон. И отойди от дверного косяка, — стараюсь разрядить обстановку. — А то мне чинить потом. Вон как в плечах вымахал.

— Это я в зале вечерами пропадал. Чтобы о тебе не думать.

— Хватит ерничать!

Он лишь криво усмехается, но молчит, сложив руки на груди. И смотрит так многозначительно... Сдается мне, это вовсе и не шутка была.

— Иди переодевайся, — вновь командует, а я согласно киваю.

— Только я в кафе не успею. Ты уж сам, ладно? Я по дороге что-нибудь перехвачу.

Меня обжигает предупредительным взглядом.

— Нет. Настя, надо нормально поесть.

— Перекушу на работе. Мне некогда спорить. Ты правда езжай.

— Дождусь уж.

В итоге из подъезда мы выходим вместе. Багров галантно

распахивает дверь, пропуская меня вперед.

Моя машина стоит дальше, получается, что я провожаю Дениса.

— Даже не поцелуешь на прощание?

— Хватит скалиться.

— Это я так улыбаюсь, — скромно роняет Денис и тянется ко мне. Привлекает за талию, спиной опирается о свою машину. — Позвоню тебе.

— Это не вопрос? Эм... Что ты опять смеешься?!

— Забавная моя, — ласково произносит Дэн, опалая бешеной харизмой. Вот хороший же мужик! Прекрасный муж! Но... Есть минусы, с которыми я не готова мириться. И сравнивать с ним всех остальных — заведомо проигрышное дело. — Целовать отказываешься, как я понимаю?

— Так. Мы развелись. Ты эти все свои поцелуйчики и звоночки оставь...

Он перебивает:

— А то я и смотрю, аж свидетельство заламинировала.

Глаза мои распахиваются. А где это он свидетель... ооох, оно же у меня на полочке стоит. Я хотела в документы убрать... и все руки не доходили.

Стою моргаю как дурочка. Мне перед ним немного стыдно даже. Как будто и правда праздник отметила.

— Ты хоть в курсе, что его нельзя ламинировать? — осуждающе качает головой. — В случае чего придется за новым свидетельством бежать?

— Вот когда понадобится, тогда и побегу.

— Мне иногда кажется, что ты без меня реально никуда. Ладно, целовать не хочешь, хоть обними на прощание.

— Денис. Эти твои приколы вообще не к месту. Хорошего дня.

Разворачиваюсь и уже отхожу на пару шагов, как в спину мне врезается грустное и тихое:

— А это и не приколы.

— Как это студия закрыта? У нас же аренда проплачена!

— возмущается Оксана, пока я прохожу мимо нее. Направляюсь к кабинету, но теперь замедляю шаг. Прислушиваюсь к телефонному разговору. — Вернете, конечно. Но так ведь не делается! У нас начало через несколько часов. Ребята сразу туда и привезут оборудование.

Надо проверить сумму неустойки по договору, вроде небольшая. Но все же! Как же так? Теперь мне срочно нужно искать другую локацию!

Оксана активно размахивает руками: пытается удержать мое внимание и жестами просит не уходить.

Заканчивает разговор она очень взволнованно — знает, что мне теперь придется нелегко.

Как только она кладет телефон на стол, тут же рывкает:

— Нет, ну нормально, а?! Ты можешь себе представить?! У них там трубу прорвало. Везде кипятки и...

— Успокойся, — укладываю предплечья на стойку. — Все решим.

— Да как успокойся?! У нас осталось...

— Я знаю, сколько времени у нас осталось. Разберусь. Я просмотрю договор. Судя по всему и неустойки нам не видать с таким форс-мажором. Пришли мне оперативно контакты площадок, придумаю что-то. Успеем.

Но успеть не получилось. Никто из тех, кого я обзвонила, предоставить помещение для съемок не смог. Что ж, остается улица. Я сразу примеряю варианты к сюжету. Необходимо срочно внести коррективы, поставить в известность команду.

В последний момент я вспоминаю еще про одну площадку. Решила попытать счастья.

— Да?! — потрясенно и обрадовано выдаю в трубку. — Сможете?! Отлично! Я сейчас подключу к разговору мою помощницу, она оперативно займется оформлением и согласованием. Спасибо большое! Очень выручили!

Переключаю на Оксану и выдыхаю.

Пишу в рабочий чат. Обновляю информацию.

Жду, пока ребята отметятся. Быстро среагировали все.

Прямо в чат шлю голосовое — одно на всех с новыми инструкциями. И направляюсь к машине. Самой придется ехать, присутствовать, а то мало ли какие сложности возникнут.

Так, кстати, и не позавтракала. Да какой там! Время неза-

метно подкралось к полудню.

Уже перед последним поворотом мне звонит Оксана. Недоброе чувство охватывает.

— Алло? — отвечаю с переживанием.

— Отмена, Настя. У них там тоже что-то случилось, они не смогут принять нашу съемочную группу.

Я гляжу по зеркалам и паркуюсь на обочине.

— Не очень хороший сегодня день, — замечает помощница, а я уверенно отвечаю:

— А как начинался-то...

— Не знаю как у тебя, а я еле глаза открыла. И что делать будем?

— Дай пару минут сориентироваться.

— Ладно.

Подъехать к ребятам все равно необходимо. Подбодрить. Ослабить напряжение.

Отбиваю звонок, но мобильный вновь дрожит в руке.

Только не это! Только не он! Паника накрывает неконтролируемо.

Я пропускаю звонок. Не понимаю, что делать, но связь с сегодняшними событиями становится все более удивительной. Второй вызов не позволяю себе проигнорировать.

— Слушаю.

Голос мой таит в себе скрытую неприязнь и нервозность.

— Настенька, — раздается тихий полусшепот. Томный. Густой. Командный и такой гнетущий, аж мурашки по коже

бегут. И понимаю вроде, что все происходящее максимально нереально, а с другой стороны я все же настороже: мало ли... — Я смотрю, сегодня с самого утра день задался, да?

Посмеивается еще. Сволочь.

— Что вы хотите?

— Я уже упоминал. Ты не похожа на барышню с плохой памятью.

— Поэтому еще раз уточняю: что, вы, хотите!

— У меня предложение. Я размораживаю твои съемки, а ты... — он берет короткую издевательскую паузу, — а ты сегодня приезжаешь ко мне. Или встретимся где-то в другом месте. Где тебе будет удобно?

— Вы в своем уме? И как это «размораживаю»?

— Подумай. Неглупая ведь девочка... и еще. Я не укушу, Настенька. Во всяком случае, пока сама не попросишь.

Хриплый смешок. Высокомерное молчание.

Я даже словно наяву вижу перед собой прищур требовательных глаз и недовольный поворот головы Ольховского.

— Кстати, — добавляет он небрежно, равнодушно, словно упоминает о чем-то совершенно незначительном. — Если не хочешь, чтобы все твои проекты обрели неожиданные проблемы, найдешь сегодня на меня время. Хоть немного.

— Вы шутите?!

— Если нет, то... выбирай, с какого начнем.

Вызов обрывается.

Кажется, небо рушится мне на голову.

Это все какая-то нездоровая шутка. Это не может быть правдой. Не может!

Но... неожиданно мне перезванивают из студии, с которой у меня был договор, и предлагают сами приехать, мол, проблема устранена, все в порядке. С трубами разобрались и с кипятком. Вот этого я так не оставлю!

Но я отказываюсь.

В итоге снимаем на улице.

День вышел тяжелым.

Добивает меня Денис: «Сегодня то одно, то другое. Мелкие неприятности валяются отовсюду. Но воспоминания о нашем совместном уютном утре греют, как солнышко».

И вдогонку: «Делай что хочешь, но я сегодня приеду. Можешь упираться, вырываться, но сегодня вечером я с тобой».

Я: «Нет!!! Не надо! Я занята!»

Отправляю, не в силах справиться с эмоциями.

Он перезванивает тут же.

— Настен. Давай ты не будешь опять упираться. Поужинаем. Поболтаем. Просто поговорим. Прогуляемся.

— Нет, не надо приезжать.

Меня уже трясет от эмоций.

— Не понял. Почему я не могу приехать?

— Потому что это неуместно! И... и... вообще. Ты же сам все понимаешь!

— Я думаю, нам есть что обсудить.

— Ты ошибаешься.

— А утром что было? Так... просто?

— Ну а как еще? Дэн. Мне пора. Не вздумай ко мне ездить!

— Ты не одна будешь? — грозно уточняет он сквозь зубы.

— Какая тебе разница?! Я же к тебе не лезу! Извини. Мне пора. И тебе тоже.

Отключаюсь, стараясь усмирить дрожь.

Денису точно у меня нечего делать.

А если он и правда примчится?

А если Ольховский приедет?!

Я абсолютно не понимаю: и что теперь?

Какой-то абсурд.

Если бы не этот звонок от мэра, я бы, пожалуй, встрети-
лась с Денисом. Но теперь...

Не уверена, что это безопасно.

Глава 17

— Ты что такая напряженная? — не отстаёт Лерка. — У тебя же завтра выходной, выдохни, наконец!

И складывает на мой стол высоченную стопку учебников и тетрадей. Даже не морщится. Как она это все дотащила?!

— Выдохну, когда ты свою макулатуру спрячешь, — хмуюсь я. — Ты зачем столько учебников привезла?

— Да нас препод по макроэкономике осчастливил! — сестренка гневно сверкает глазами, — коллоквиум решил устроить, а потом сразу проверочную работу!

Лера жалобно всхлипывает.

— А зачем книг так много, если всего к одному предмету нужно подготовиться? — уточняю я сочувственно.

— Потому что ещё по налогам контрольная будет. И реферат по страхованию надо подготовить.

— Я смотрю, ты ко мне учиться приехала? — посмеиваюсь над ней, вспоминая свои студенческие годы.

— Да. Я к тебе на пару дней. Возможно, до вторника.

Я аж присвистываю:

— Хитрюга какая! А я думала, ты со мной поболтать приезжаешь!

— И это тоже, — печалится Лера. — Но пока буду готовиться.

— Признайся! Ты просто планируешь отжать мою территорию.

— А что, можно?! — Лерка округляет глаза.

— Хорошо, я поняла, тебя завтра не трогать.

— Нууу... — невинно хлопает ресницами. — Только если на кафешку отвлечься! Да? — тихонько так добавляет. С веселой и теплой надеждой. Мама большие суммы сестре не выделяет, так что я материально Леру тоже поддерживаю.

— Уговорила! Иди сюда, мой проглотик! — обнимаю ее крепко и даже пытаюсь покружить, как в детстве, да уж деваха вымахала: просто так не поднять.

— Ну, Расскажи же мне новости! — Лерка аж приплясывает от нетерпения.

— Ты о чем?

— Кто тебе цветы дарил! Признавайся!

— Ой, там такая запутанная история.

— Денис? Ну, скажи! Скажи!

— Да, — роняю кисло, но предупреждаю сразу: — И не вздумай меня расспрашивать дальше!

— Виделись? Общаетесь? Расскажи!

— Нет, не общаемся. Все! Закрыли тему!

И тут раздается звонок в дверь.

Лера, сверкая пятками, несется к видео-глазку. Ей-богу, для меня она совсем еще ребенок.

— Ого... — раздается удивленный голос из коридора, — он и в гости к тебе приехал! Не видите, значит?!

Да как так-то?! Быть этого не может! Топаю к ней.

— Впускать? — громко уточняет сестра, разглядывая моего бывшего на экране. Она не замечает, что я уже подошла, и переспрашивает еще громче: — Дэна впускать?

— Учитывая, что он сейчас абсолютно точно через дверь слышит, как ты орешь, то... да, впускать.

— Момент!

Леркина ладонь сжимается в кулак и висит в воздухе, указательный палец оттопыривается. Смешная. Быстро справляется с замком.

Денис проходит торопливо и с возмущенным выражением лица, буравя меня недовольным взглядом. Замечает Лерку... Оглядывает с ног до головы, и только тут на его губах появляется улыбка облегчения. Я складываю руки на груди и отвечаю надменным взглядом, мол, что, как всегда, ожидал мужика какого-то обнаружить?

— Лерка! Здорово!

Багров приобнимает сестренку одной рукой, другой тщательно портит ей прическу, взлохмачивая аккуратные локоны.

— Ну Дэн! — со смехом пытается извернуться сестричка. — Перестань немедленно! Ахахах! Насть, он еще и щечечется!

— А чего не сказала, что Лерка придет? — весело роняет в мою сторону гость. — Я торт бы купил!

Кое у кого уже потекли слюнки.

— Надо было взять и купить! — отсмеивается Лера и отходит от бывшего родственника на приемлемое расстояние.

— Я, кстати, могу и в магазин сгонять!

— Обувайся! Вместе смотаемся! Настена нас дома подождет. Тебе зацепить что-то?

Это он у меня благосклонно уточняет? Я закатываю глаза к потолку.

— Мне ничего не надо. Но если вы собираетесь у меня ужинать, то пожалуйста, сами этот вопрос решите.

— Без проблем! — радуется Денис.

Лерка убегает в гостиную за толстовкой.

— Ты так радуешься, потому что я тебя не выгоняю, или потому что застал у меня Леру, а не мужика?

Скептически кошусь на бывшего.

— Если честно, и то, и то, — он тянется ко мне. — Не рада меня видеть?

— Я сказала не приезжать.

Упираюсь ладонями в его грудь.

— Ну прости, я соскучился. И вообще подумал, что ты шутишь.

— А еще в моем холодильнике запас продуктов, которые ты планируешь получить сегодня на ужин в удобоваримом виде? — язвлю, ничего не могу с собой поделать. Но делаю это с улыбкой.

— Об этом я даже не думал. Почти, — мягко играет бровями, пока Лерка не врывается в него. Обнимает за талию:

очень рада видеть. Чмокает в щеку.

— Супер, что ты приехал!

— Уеду нескоро, — подначивает Денис. — Валим!

А я что? Во мне тоже просыпаются искорки ревности. Глупо, да. Но что я могу с собой поделывать?

Я вниманием Дэна тоже делиться не люблю. То есть не любила!

За ними захлопывается дверь. А я плетусь к холодильнику и улыбаюсь как дура.

В итоге мы решаем ужин приготовить все вместе, даже Лерка помогает.

Мои гости выбрали рубленые куриные котлетки и запеченную с овощами картошку.

На всю квартиру уже распространяется умопомрачительный запах. Денис накупил всем лимонад, мне — тархун. Знает, чем побаловать.

— Ой, мне звонят! Скоро вернусь! — Лера хватается за телефон и уносится в спальню, а Дэн голодно принюхивается и выносит вердикт:

— Да все готово уже! Вынимаем!

Пока мы с Денисом возимся и шумим на кухне под заводную музыку, Лерка возвращается к нам с огромным букетом.

— Забирайте ваше имущество! — задорно командует сестра, перекрикивая музыку, и подмигивает Дэну. А мы с ним... замираем. И переглядываемся.

По его выражению лица становится понятным, что цветы

не от него. Он загрызет сейчас кого-нибудь.

Сестра, замечая, что я не притрагиваюсь к подарку, начинает суетиться и подбирает вазу, нахваливая «дарителя».

Мое запястье внезапно обжигает твердое тепло, и Дэн тянет меня в коридор.

— Мы сейчас вернемся, Лер, ты пока накладывай.

От морозного голоса у меня мурашки по коже. Я представляю, что Денис подумал.

Опомниться не успеваю, как оказываюсь прижата к подоконнику в спальне, руки Дэна по обе стороны от моих бедер, в лицо страшно смотреть. Там и грозовые тучи, и град, и смерч.

— Сейчас без шуток, Настен. Ты реально весь этот цирк устроила, — и столько разочарования в его тоне, столько скорби... и отрезвление, — чтобы какого-то оленя подразнить? За мой счет? Всколыхнув то, к чему посторонним запрещено даже прикасаться?

Глава 18

— Я пыталась сделать вид, что несвободна... — голос мой стих от неловкости. Рука сама тянется к мужскому подбородку, пальцы проводят по щетине, что утром слегка оцарапала мой живот. — Да, к несчастью, вышло за твой счет. Могу извиниться, но мне даже в голову не пришло, что это обернется вот таким.

— К несчастью? — Денис не улавливает смысла. Целует мою ладонь. Мне бы одернуть руку, но это легкое касание такое приятное и ласковое, губы его твердые, но нежные.

— Я думала, ты даже не заметишь. И уж точно не рассчитывала, что примчишься утром.

Настороженность и неодобрение летят в меня клинками.

— Для чего тебе это понадобилось?

У Дениса каким-то чудом выходит быть и уступчивым, и жестким одновременно.

— Мне один тип прохода не дает. Как так угораздило связаться с ним — не знаю. Но я подумала, что если у меня бы был кто-то...

— Прекрасно. Значит, тебе просто надо отшить нерадивого ухажера?

— Что-то в этом роде, только он...

Я уже представляю, как Багров разносит тут все в пух

и прах, и даже перышки от подушек в моем воображении лениво витают в воздухе, насмешливо опускаясь на пол. И вдруг...

— Фамилия, — ошарашивает Денис. — Имя-отчество. Я отобью ему желание ходить за тобой. Можешь не волноваться, все будет в рамках приличия.

И расстроено отходит от меня, заставляя тут же податься вперед и вцепиться в него мертвой хваткой.

— Не вздумай! Даже не лезь в это, ты понял?! Я удалю наше фото, это была отвратительная идея, но ты ни за что не должен...

Его указательный палец грубо ложится на мои губы.

— За него так распереживалась? Да ничего я ему не сделаю.

— За тебя! Он какой-то неадекватный! Точнее, с виду нормальный, но внутри... ужас. И букеты те странные от него были, я просто не знала. Почему-то на тебя подумала.

— Эй-эй, — Денис с легкостью освобождается из моего захвата, обнимает мои плечи, прибивая тяжестью. — Ты что испуганная такая? Он тебя обидел?

Нижняя губа вдруг начинает болеть: это я сильно ее прикусила, зубы впиваются в чувствительную мякоть. Заставляю себя расслабить челюсти. Иначе прокушу сильнее.

— Нет, но он очень неприятный тип. Привязался.

— Так, что было — рассказывай.

— Нет!

Крепкая ладонь поглаживает мой затылок. Я вновь в приятном нежном плену.

— Насте-на... Почему ты его боишься?

Потому что Ольховский смотрит так пронзительно, что пожирает взглядом! Потому что он холодный, циничный и расчетливый, потому что от него колкие ледяные мурашки по коже, потому что он звонит с приказами и наблюдает за мной, даже когда я дома!

— Что он тебе сделал?

Глаза Дэна наполняются непроглядной тьмой, но, в отличие от темноты Ольховского, я не чувствую опасности или угрозы.

Его рот прилипает к моим губам, все терзая, терзая, терзая... так сладко и чувственно, что у меня не остается шансов, я мечтаю о том, чтобы эти ласки снова свели меня с ума...

— Так делал?

У Дэна голос охрип от возбуждения и непроизвольной тревоги, и именно сейчас я не знаю, что ответить Денису, чтобы он не наломал дров.

Ну какая же я дура, зачем вообще его впутала!

— Нет, — шепчу, почти не отстраняясь, заключаю новорожденное лицо в свои ладони. — Я с ним не спала, ты это хочешь услышать? Он отправляет ко мне машину с приказом спуститься. Заваливает цветами, от которых веет могильным холодом. Настаивает на встречах и наблюдает со стороны.

— Работаете с ним?

— Да, заканчиваю серию сюжетов о нем.

— Большая шишка, значит?

— Это Ольховский... — срывается с губ несчастное признание, и спальня погружается в тишину.

Дэн осмысливает.

— Ольховский — в смысле Илья? Наш мэр?

Я затравленно молчу, а потом неуверенно киваю.

— Ты сейчас серьезно?

Почему он так ошарашен? И занервничал. Кажется... злость его растворилась, осталась тягучая тревога.

— Абсолютно. Я около месяца назад делала подборку. Долго рассказывать. Тогда впервые с ним и столкнулась. Но настолько мимолетно, что даже не придавала значения. Недавно поступила просьба от его пресс-службы снять сюжет в стиле «Один день из жизни мэра». Обязательное условие — мое присутствие на съемках. Мне это не показалось странным тогда.

Денис напрягается еще сильнее.

— И что конкретно тебя так напугало, кроме цветов и внимания?

— Он в последний раз... ненавязчиво заманил к себе в машину и связал мне руки.

Денис прячет ладони в карманах, его челюсть каменеет.

— И?

— Напугал меня, но веревку снял. Ничего не сделал, —

про его прикосновения и жалящий поцелуй я лучше промолчу. — Он хочет, чтобы я к нему приехала. Уговаривает.

— Ты не поедешь.

Дэн произнес это так тихо и зловеще, что у меня сердце дрогнуло.

— Конечно, не поеду! За кого ты меня принимаешь!

— За слабую женщину, которую можно с легкостью затащить в машину! Сделать что угодно, а потом сказать, что она сама захотела.

— Я прекрасно это понимаю. У меня впереди еще один съемочный день с ним.

— Ну и отлично. Заболеешь. Не езд.

— Мне неустойку платить, Денис.

— Я заплачу.

— Нет. Давай что-то другое придумаем. Это будет нехорошо для меня.

— Больничный оформишь, и все.

— Ты же знаешь, что у нас все не так просто.

— Я тебя не отпускаю. Кстати, ты и другие фотки выстави наши.

Мотаю головой, остро осознавая, насколько бездумно я поступила.

— Не оставайся с ним одна и никуда не ходи. Запись регистратора в машине ведешь?

— Да.

— Дома видео-глазок пишет?

— Да, конечно.

— Может, у меня сегодня останешься?

— Нет-нет, ты что? Не нужно. Ему какая разница, где следить за мной? Слово-то какое ужасное.

— Угу, звучит не очень.

— Да и Лерка у меня на несколько дней. Нет, это не выход.

И хотелось бы убедить себя, что я все придумала, только запястья до сих пор горят от веревки и чужой запах все еще едким дымом разъедает легкие.

— Я тебя понял. Тогда и я останусь с вами.

— Чт... — не успеваю возмутиться, как указательный палец Дениса накрывает мои губы.

— Шшш, — шикает на меня Денис и склоняется нахмурившись. В паре миллиметров от моих губ замирает. Дышит часто. Тяжело. — Пусть только дотронется до тебя.

— Дэн, а ты что, сегодня домой не уезжаешь? — ехидно осведомляется Лерка.

— Нет.

— Уезжает!

Мы с Денисом отвечаем одновременно, вызывая у сестренки улыбку.

— Если хотите, я к маме сегодня уеду.

— Ты нам не мешаешь, — не теряется Денис, поглаживая развалившегося между нами Леса. Серенький так гром-

ко мурлычет, я даже начинаю завидовать бывшему: все-таки кот его как любил, так и любит. Привязан он к бывшему хозяину сильно.

— Ну спасибо!

— Но уроки кому-то пора уже делать, нет?

— Нормально! — вскидывается Лера. — Поесть им приготовь, за ними убери, беседу поддержи, еще и пинками выставляют, чтобы не отсвечивала.

— Ой, не надо, — расслабленно тянет Денис, — готовили вместе, убирали тоже. А время, и правда, недетское.

— Да ну вас, отдайте мне пушистика, и счастливо оставаться.

— Давай-давай, бурчалка. Спокойной ночи, — успевает огрызнуться Дэн. Не выгнать ведь никак. Но... Так хочется, чтобы он остался. Предательское сердце дрожит, перед глазами стоит сегодняшнее утро. Я все еще слышу сладкий шепот на ушко.

Лерка тянет руки к Лесу, хватает его. Лесенок аж недовольно мяукнул, но... Его уносят. Меня Денис тоже решает сграбастать с объятия и... относит в спальню.

Бросает на кровать.

Не сводя с меня взгляда, стягивает с себя футболку.

— Дуй в душ, герой-любownik, — заявляю я надменно и с улыбкой швыряю в него подушкой.

— Пойдем вместе, — щеголяет плоским животом. Играет бровями.

— Нет уж, иди!

— Сама иди! Сюда! Сейчас схвачу тебя!!!

И вновь ловит меня, я пытаюсь вырваться, но он меня щечечет, я отбиваюсь, как могу, пока Денис не подмял меня под себя.

Начинает зацеловывать.

Срывает домашнюю рубашку. Отбрасывает в сторону. Стягивает с меня широкие штаны. И... взваливает на плечо.

И все-таки относит меня в душ, сразу опуская под теплую воду.

— Так Лера ж дома, Денис!

— А то она не предполагает, чем муж с женой занимаются!

— Мы с тобой не муж и жена.

— Уж как сказать, — заявляет нагло и кусает, но я слабо прикусываю его ухо в ответ. — Твое заламинированное свидетельство недействительно!

— Да ну тебя!

Я и опомниться не успеваю, как до меня доносится звук щелкающего затвора.

— Эй! Ты что сделал?!

— Снимок.

— Зачем?!

— А вот зачем!

И на моих глазах заходит в соцсеть. Прикрепляет к стене. Публикует...

— Ты... Подожди!! — вырывается у меня, но уже поздно.

— Ты еще и телефон с собой в душ таскаешь...

На его страничке появляется новая фотография, где я, улыбаясь, кусаю его за подбородок, а он ухмыляется. Фото крупным планом. Такие мы здесь счастливые и беззаботные. Вот только...

Что же он наделал...

— Денис, удали. Не надо!

— Ничего не знаю! Ты сама так хотела.

— Но...

— А я хочу тебя, — заявляет он хриплым шепотом и разворачивает меня к стене, надавливая на спину. Я опираюсь ладонями о теплый кафель и забываю обо всем на свете...

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.